КНИГИ ДЛЯ ВНЕКЛАССНОГО ЧТЕНИЯ

Эрих Распе

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БАРОНА МЮНХГАУЗЕНА

#эксмодетство

Приключения барона Мюнхгаузена

Рудольф Эрих Распе

Аннотация
Рудольф Эрих Распе. Приключения барона Мюнхгаузена
Предисловие
Охотничьи и военные приключения барона Мюнхгаузена
Морские приключения барона Мюнхгаузена
- Приключение первое
- Приключение второе
- Приключение третье
- Приключение четвёртое
- Приключение пятое
- Приключение шестое
- Приключение седьмое
- Барон Мюнхгаузен продолжает свои рассказы
- Приключение восьмое
- Приключение девятое
- Приключение десятое

Путешествие сквозь центр земного шара и другие замечательные приключения
Иллюстрации

Аннотация

Весёлый, остроумный и отважный фантазёр барон Мюнхгаузен в молодости побывал во многих уголках мира, даже самых невообразимых. И с ним случались самые невероятные и необыкновенные истории. Поэтому спустя много лет ему есть что поведать о своих захватывающих приключениях дорогому читателю, сидя у камина в зимний морозный вечер. Усаживайтесь поудобнее – Мюнхгаузен начинает свой рассказ…

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Рудольф Эрих Распе
Приключения барона Мюнхгаузена

Фото на обложке Павла Михайлова.
Иллюстрации Игоря Егунова.

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Предисловие

В молодости я хорошо знал барона Мюнхгаузена. В то время ему жилось очень трудно: лицо, костюм, да и весь его облик были весьма неприглядны. По своему уму, происхождению и образованию он мог бы занять видное место в обществе, но в силу вышеозначенных причин редко выходил из дому, не желая краснеть за свой жалкий вид, переносить косые взгляды и снисходительные улыбки. Все близкие знакомые очень любили барона за его неистощимое остроумие, весёлый нрав и прямодушие. А какой это был удивительный рассказчик! Теперь таких уже нет! Начнёт он, бывало, вспоминать что-нибудь из своей прошлой, богатой всевозможными приключениями жизни: слова так и льются, картины сменяют картины, — и все затаив дыхание, слушают, боясь проронить хоть слово…

Как уже было сказано, барон редко показывался в обществе. Многие годы я нигде его не встречал и окончательно потерял из вида, а потому несказанно удивился, когда увидел у себя в кабинете весьма элегантно одетого господина, который

представился как барон Мюнхгаузен.

Вполне прилично одетый старик имел весьма моложавый вид, проницательные глаза лукаво подмигивали, а на лице играла весёлая улыбка.

— Неужели это вы, господин Мюнхгаузен? — воскликнул я. — Тот самый, не внук или правнук…

— Нет-нет, — перебил меня вошедший господин и прибавил: — Это я, ваш старый знакомый. Напрасно вас это удивляет! Должен сказать, что теперь благодаря счастливо сложившимся обстоятельствам дела мои поправились, и я могу снова возобновить светские знакомства. Возможно, вы не откажете дать мне несколько рекомендаций к вашим друзьям и знакомым, чтобы проще было войти в общество.

— Но, барон, я, право, затрудняюсь выполнить вашу просьбу. Мне хорошо известна ваша необузданная фантазия. Едва начнёте рассказывать, вами точно бес овладевает: уноситесь за облака и говорите о таких вещах, которых не только не было, но и не могло быть. Я же, в отличие от вас, ставлю истину превыше всего — и как человек, и как писатель.

— Что за странное обвинение, — обиделся Мюнхгаузен. — Это я-то необузданный фанта-

зёр, рассказчик небылиц?! Откуда вы это взяли? Действительно, моя жизнь была богата разными историями, которые я люблю рассказывать, но лгать?! Никогда!.. Никто из Мюнхгаузенов никогда не лгал и лгать не будет! Не вынуждайте меня просить, мой добрый друг, а лучше напишите рекомендацию, что-нибудь этакое: «Мой старый друг барон Мюнхгаузен…», ну и так далее.

Он так красноречиво убеждал, что я наконец уступил его просьбам и дал злополучную рекомендацию. Однако считаю своим долгом предупредить моих юных друзей критически отнестись к рассказам барона Мюнхгаузена. Я убеждён, что вы прочтёте их с большим удовольствием: забавные приключения заставят вас смеяться, так же как смеялись тысячи детей до вас и будут смеяться после.

Охотничьи и военные приключения барона Мюнхгаузена

Я решил отправиться путешествовать по России зимой, потому что от тех, кто когда-либо путешествовал по Польше, Лифляндии[1] или Курляндии[2], слышал, что дороги в этих странах очень плохи и бывают в сравнительно сносном состоянии зимой благодаря снегу и морозу.

Транспортным средством я выбрал лошадь, поскольку путешествие верхом избавляет от докучных столкновений с хозяевами почтовых карет и от риска нарваться на ямщика, который, вечно томимый жаждой, станет завозить вас в каждый шинок[3].

Жаль только, что я слишком легко оделся для этой северной страны: по мере продвижения

---

[1] Сноски: 1

Лифля́ндия — немецкое название Ливонии в XIII–XVI вв.; официальное название территорий Северной Латвии и Южной Эстонии в XVII — начале XX в.

[2] Сноски: 2

Курля́ндия — официальное название до 1917 г. Курземе, исторической области Латвии к западу от Рижского залива.

[3] Сноски: 3

Шино́к — небольшое питейное заведение, кабачок.

на северо-восток всё сильнее давал знать о себе холод.

Представляю, каково было несчастному старику, которого я, проезжая через Польшу, встретил на пустынной дороге, на пронизывающем ветру. Едва прикрытый плохой одежонкой, бедный старик, полуживой от стужи, сидел на обочине.

От души пожалев беднягу, я, хотя сам продрог до костей, бросил ему плащ и продолжил путь. Дальше ехал без остановок, пока не стемнело.

Передо мною расстилалась бесконечная снежная равнина. Царила глубокая тишина, и нигде не было видно ни малейшего признака жилья. Я не знал, куда держать путь.

Страшно уставший от долгой езды, я решил остановиться на ночлег. Привязав лошадь к остроконечному колу, торчавшему из-под снега, на всякий случай я положил рядом с собой пистолеты, улёгся неподалёку от неё и тотчас заснул крепким сном.

Проснулся я белым днём и, к величайшему своему изумлению, увидел себя на деревенском кладбище! Моей лошади нигде не было видно.

Вдруг где-то высоко в воздухе раздалось ржание. Я взглянул вверх: мой конь, привязанный за повод, висел на верхушке колокольни. Я сразу

понял, в чём дело: накануне снег засыпал деревню и окрестности так густо, что образовалось обширное поле, по которому я вчера ехал. Ночью внезапно наступила оттепель, и снег стаял. Пока спал, я незаметно опускался всё ниже и ниже, пока не достиг твёрдой земли. Таким образом и очутился на кладбище, а то, что принял вчера за кол и к чему привязал лошадь, оказалось шпилем колокольни.

Недолго думая я выстрелил из пистолета по ремённой привязи, и спустя минуту лошадь стояла возле меня. Оседлав её, я поехал дальше.

До русской границы всё шло благополучно, но, к сожалению, в России зимой не принято ездить верхом. Я никогда не нарушал обычаи стран, где побывал, — не изменил своему правилу и на этот раз: приобрёл небольшие сани, запряг свою лошадку и бодро и весело направился прямо в Петербург.

Не могу сказать наверняка, где это было, — скорее всего, в Эстляндии[4]. Хорошо помню, что я ехал дремучим лесом. Как-то оглянулся и вижу — за мной бежит громадный матёрый волк, явно голодный. Хорошо понимая, что от его острых

---

[4] Сноски: 4

Эстля́ндия — историческое название северной Эстонии.

зубов не спастись, я бросил вожжи и лёг в сани. И предчувствия меня не обманули: волк перепрыгнул сани и набросился на лошадь, которая от страха и боли пустилась бежать что есть мочи.

Всё ещё не веря, что избежал неминуемой гибели, я тихонько приподнял голову и с ужасом увидел, как голодный зверь терзает зубами бедную лошадь. Я огрел его кнутом изо всей силы. Волк с перепугу и от боли рванул вперёд, лошадь упала на землю, он очутился в её упряжи и оглоблях. Я же продолжал нахлёстывать его плёткой, так что мы благополучно добрались до Петербурга.

Не желая утомлять юных читателей, я не коснусь описания государственного устройства, искусств, наук и всевозможных достопримечательностей великолепной столицы Российской империи. Лучше расскажу о лошадях и собаках — моих лучших друзьях, а также о лисицах, волках, медведях и других зверях, которыми, как ни одна страна в мире, богата Россия. Хочется мне поведать ещё о русском веселье, об охоте и о разных подвигах, которые украшают честного дворянина больше, чем самый модный и богатый наряд и изысканные манеры.

Поступить на службу в русскую армию мне уда-

лось не сразу. Пока ждал, было много свободного времени, и я провёл его так, как и подобает благородному дворянину: весело и беспечно. Стоило это немалых денег, но всё же я с удовольствием вспоминаю лучшее в моей жизни время.

Суровым климатом и обычаями страны можно объяснить (но нельзя целиком оправдать) тягу населения к вину. В России есть прямо-таки виртуозы в искусстве пития, но всех в этом отношении превзошёл генерал с седой бородой и медно-красным лицом, который часто обедал с нами.

Старик за столом всегда сидел в фуражке, за что чистосердечно извинялся перед всяким новым лицом. А не снимал он её, чтобы скрыть недостаток на голове, происшедший от потери черепных костей вследствие ран, полученных в турецкую войну. Почтенный воин за обедом выпивал несколько бутылок алкогольных напитков, однако никогда его не видали пьяным.

Это может показаться неправдоподобным: я сам долго недоумевал, — и только случайно понял, в чём дело.

Генерал изредка приподымал фуражку — сначала я не обращал на это внимания — весьма естественно, время от времени нуждаясь в том,

чтобы освежить голову. Но вот однажды, в то время как он приподнял фуражку, я заметил, что вместе с ней поднялась и серебряная пластинка, которая заменяла ему недостающую черепную кость. В это образовавшееся отверстие клубом выходили винные пары.

Тут-то я всё понял.

Я тотчас рассказал про своё открытие двум лучшим моим друзьям, и мы решили проверить мои наблюдения на опыте, благо был вечер, самое удобное для этого эксперимента время.

Я незаметно подошёл к генералу с курительной трубкой в руках и, выждав момент, когда он приподнял фуражку, быстро поднёс к его голове клочок бумаги, который зажёг от трубки. И в тот же миг все увидели чудное явление: винные пары загорелись огненным столбом. Те же пары в волосах старика зажглись голубым огнём и образовали великолепный лучистый венок.

Генерал отнёсся добродушно к моей проделке и впоследствии не раз позволял повторять эти невинные опыты.

Не буду говорить о других шалостях, которыми мы забавлялись, а перейду прямо к рассказам о моих охотничьих приключениях, во всех отношениях более интересным.

Страстный любитель охоты, я отдался ей всей

душой. Для меня ничего не было лучше на свете, чем поохотиться в дремучих лесах, которые тянутся в России на сотни вёрст[5].

С величайшим удовольствием я вспоминаю те времена, когда пережил немало опасностей и рискованных приключений, но всё как-то сходило с рук и всё удавалось.

Как-то, проснувшись рано утром и выглянув в окно, я заметил на пруду, раскинувшемся перед домом, великое множество диких уток и, недолго думая, схватил ружьё. Бросившись со всех ног к двери, на свою беду я не заметил притолоки и с разбега так сильно ударился о неё лбом, что из глаз посыпались искры. Потерев лоб, я побежал к пруду, но в ту минуту, когда прицелился, заметил, что нет кремня: он соскочил от сильного толчка.

---

[5] Сноски: 5

Верста́ — единица измерения расстояния, равная 1066,8 метра.

Каждая минута была дорога: я не знал, как быть, — но, к счастью, вспомнил о своей ушибленной голове и, хорошенько прицелившись, со всей силы ударил себя по лбу. От удара из глаз посыпался сноп искр. Порох воспламенился, и грянул выстрел. Я убил одним выстрелом пять пар уток, четырёх хохлаток и двух лысух. Да, много значит не растеряться в решительную минуту. Находчивость — великое дело! Как известно, только благодаря ей удача сопутствует воинам, мореходам и охотникам.

Вот какой ещё был со мной случай. Как-то мне довелось охотиться на уток на большом озере. Птицы плавали не скученно, а на значительном расстоянии друг от друга. Посмотрел я и подумал: выстрелом никак не положить больше одной, а у меня в патронташе[6], как на грех, остался всего один патрон. Что делать? А я, как нарочно, пригласил к себе большое общество! Было бы недурно угостить друзей жареными утками.

К счастью, вспомнив, что от завтрака в ягдташе[7] остался кусочек свиного сала, я вытащил из кармана собачий поводок, рассучил, чтобы

---

[6] Сноски: 6

Патронта́ш — сумка или пояс с гнёздами для патронов.

[7] Сноски: 7

Ягдта́ш — охотничья сумка для дичи.

сделать длиннее, и привязал к нему сало.

Спрятавшись за камыш, я бросил в воду конец поводка с наживкой и почти в тот же миг, к величайшей моей радости, увидел, что одна из уток быстро подплыла, жадно схватила сало и проглотила. За какие-нибудь две-три минуты сало прошло по всем внутренностям утки и снова очутилось в воде. Его проглотила другая, за ней — третья и так далее до самой последней.

Когда утки нанизались на верёвку, как бусы, я осторожно притянул всю стаю к берегу, обмотался поводком с утками шесть раз и пошёл домой.

Груз оказался довольно тяжёлым. С трудом одолев полдороги, я почувствовал, что не донесу домой свою добычу, и стал было раскаиваться в жадности, но тут случилось неожиданное обстоятельство, повергшее меня в величайшее изумление. Все утки оказались живыми, и, едва освоились со своим новым положением, разом взмахнули крыльями и подняли меня высоко в воздух. Всякий на моём месте растерялся бы, но только не я: распустив по ветру полы камзола, я стал ими, как рулём, направлять полёт уток к дому.

Теперь надо было обдумать, как бы безопаснее спуститься на землю. И я принялся сворачивать

уткам голову, что позволило постепенно и медленно приземлиться. Почувствовав под ногами дымовую трубу, я спустился по ней в кухонный очаг, на моё счастье, ещё не топившийся. Моё внезапное появление очень испугало повара и всех домочадцев, но когда они увидели, что я жив-здоров и принёс немало добычи, испуг сменился радостью.

Другой в этом же роде случай вышел у меня с куропатками.

Как-то пошёл я в поле опробовать новое ружьё, и один за другим расстрелял все заряды. Оставалось только вернуться домой, но как раз в этот момент из-под самых ног взлетела стая жирных куропаток.

Сильное желание подстрелить птицу на ужин подсказало мне счастливую мысль прибегнуть к одному средству, успех которого превзошёл все мои ожидания. Заметив то место, куда опустились куропатки, я зарядил ружьё шомполом, конец которого наскоро заострил. После этого, дождавшись момента, когда птицы поднимутся, я выстрелил по ним и, к своему величайшему удовольствию, увидел, что на некотором расстоянии от меня упал шомпол с нанизанными семью куропатками, которые казались очень удивлён-

ными, что неожиданно попали на вертел.

Выше я говорил, какое великое значение имеет для охотника находчивость.

Однажды в России попалась мне на охоте в лесу великолепная чернобурая лисица. Я бы мог убить её из ружья, но тогда неизбежно испортил бы чудный мех. На моё счастье, кума лиса стояла рядом с деревом. В одну минуту я вынул из ружья заряд, заменил пулю гвоздём, выстрелил и попал так удачно, что пригвоздил хвост лисицы к дереву. Та принялась дёргаться, да так, что вскоре

вылезла из своей шубы.

Нередко охотник обязан своей удачей случаю. Я это испытал на себе. Однажды в лесной чаще мне попалась дикая свинья с поросёнком, который бежал впереди, а мать не отставала от него ни на шаг. Выстрел оказался неудачным — пуля пролетела между поросёнком и свиньёй. Поросёнок убежал, а свинья осталась на месте точно вкопанная.

Подойдя ближе, я всё понял: свинья была слепая. Изо рта у неё торчал кусочек хвоста поросёнка, который, точно по чувству долга, служил ей поводырём. Моя пуля перебила хвостик убежавшего поросёнка, и свинья осталась без поводыря. Она беспомощно стояла на месте, не зная, куда двинуться. Взяв за кончик хвостика, который свинья крепко держала в зубах, я легко повёл её домой. Старое животное шло без всякого сопротивления.

Как ни страшны дикие свиньи, но иметь дело с кабаном неизмеримо опаснее: на него я неожиданно и наткнулся в лесу. К несчастью, у меня не было с собой оружия и пришлось спрятаться за дерево. В тот же миг разъярённое животное прыгнуло на меня, но промахнулось и вонзилось клыками в дерево, да так глубоко, что кабан не

мог никак их вытащить.

«Голубчик, теперь ты от меня не уйдёшь!» — сказал я себе и, схватив валявшийся на земле камень, стал изо всех сил бить по клыкам, чтобы ещё глубже вошли в дерево. Теперь кабан оказался у меня в плену и не мог убежать. Сходив в соседнюю деревню за верёвками и телегой, я привёз кабана домой живым.

Или вот ещё случай. Шёл я как-то лесом после удачной охоты с ружьём без единого заряда. Вдруг, помимо всякого ожидания, из лесу вышел олень изумительной красоты, какого я ещё никогда не видел. Он взглянул на меня так спокойно и доверчиво, словно знал, что у меня нет зарядов. Вмиг проявив смекалку, нарвал вишен, вычистил и вместо дроби насыпал пригоршню косточек в ружьё. Мой заряд попал оленю в лоб, между рогами, и, оглушённое выстрелом, животное упало, но в ту же минуту вскочило и убежало.

Года через два мне пришлось охотиться в той же местности — смотрю, из лесу вышел красивый олень, и между рогов у него вишнёвое деревце, футов[8] десяти вышиной. Тогда я вспомнил ту встречу с оленем и на сей раз не сплоховал.

---

[8] Сноски: 8

Фут — мера длины, равная 12 дюймам (30,48 сантиметрам).

На деревце висели спелые вишни, вкуснее которых я никогда не ел.

В критические минуты, охотнику приходится пользоваться всем, что попадает под руку, лишь бы не упустить добычу. Не раз мне приходилось оказываться в таком положении.

Как-то раз в Польше я охотился на птиц. Охота была удачная, и зарядов не осталось. Вечерело. Я стал собираться домой, как вдруг откуда ни возьмись громадный медведь — идёт прямо на меня, широко раскрыв страшную пасть. Напрасно я шарил по карманам — там, кроме двух запасных кремней, ничего не оказалось. Схватив один, что было силы я бросил в открытую пасть зверя и угодил в самую глотку. Мишка заревел, опустился на все четыре лапы и повернулся ко мне задом. В тот же миг я всадил в него другой кремень. И произошло нечто необычное: от удара кремней посыпались искры, раздался оглушительный треск, и медведя разорвало.

Могу сказать, что на сей раз я вышел из беды благополучно, но повторения не хотел бы. Никому не пожелаю встретить медведя, не имея оружия.

Судьба меня преследовала безжалостно: стоило оказаться безоружным, я непременно встречался

с каким-либо опасным зверем, точно он угадывал это чутьём.

Так, неожиданно однажды бросился на меня в лесу огромный голодный волк. И, разумеется, у меня не оказалось оружия, однако я не растерялся: сунул ему в пасть кулак, да так глубоко, что у волка аж глаза повылазили.

Ну и что дальше?

Положение пренеприятное.

Так стояли мы друг против друга. Глаза волка горели злобой: казалось, он только и ждал, чтобы я вынул руку, но я не сплоховал: засунул руку ещё глубже и вывернул волка наизнанку как перчатку. Зверь тут же испустил дух.

Тогда всё обошлось, но как-то раз встретился я с бешеной собакой в узком переулке в Петербурге и прибегнуть к этому приёму я не решился.

«Надо бежать», — подумал я и, чтобы было легче, сбросил меховой сюртук.

Вещь была дорогая, подбитая ценным мехом — сам добыл его на охоте. Мне было его жаль, и я послал за ним слугу.

На следующий день меня страшно перепугал неистовый крик:

«Господин барон, ваш сюртук[9] взбесился!»

В ту минуту как я вошёл в гардеробную, мне представилась такая картина: взбесившийся сюртук, покусанный бешеной собакой, трепал и рвал моё парадное платье. Мы со слугой с трудом привели всё в порядок.

[9] Сноски: 9

Сюрту́к — мужская верхняя одежда в виде пиджака с длинными полами, почти до колен.

Я всегда легко выходил из трудного положения и из-за счастливо сложившихся обстоятельств, которыми умел так находчиво пользоваться, и благодаря тому, что никогда не терял присутствия духа. Все перечисленные условия крайне необходимы тому, кто хочет быть хорошим охотником, воином или мореходом. Однако в высшей степени безрассудно поступит тот охотник, адмирал или полководец, который будет полагаться только лишь на свою счастливую звезду, личную храбрость и находчивость, а не позаботится приобрести необходимые познания, материальные средства и хорошее оружие, нужные для успеха начатого предприятия. Лично я такой упрёк в нерадении не заслужил. Лошади, собаки и всякого рода оружие были у меня самые лучшие. А моё искусство стрелять и дрессировать животных вызывало всеобщее удивление знатоков: могу смело заявить, не хвастаясь, что воспоминание обо мне как об охотнике долго будет жить в лесах, полях и лугах. Не стану затруднять внимание читателей подробным описанием моих конюшен, псарен и оружия, как любят это делать пустоголовые хвастуны, а расскажу мимоходом только про двух собак, которые так верно мне служили и были так хороши на охоте, что воспоминания о них

прочно поселились в моей памяти.

Одна из них была легавая. Своим умом, неуто-

мимостью и чутьём она вызывала общую зависть моих многочисленных приятелей-охотников. Я охотился с нею днём и ночью: когда становилось темно, вешал фонарь ей на хвост.

Как-то (это случилось вскоре после моей женитьбы) жена вздумала пойти со мной на охоту. Я поехал вперёд, чтобы поискать дичь, и скоро мой верный пёс поднял целую стаю куропаток. Стрелять без баронессы не хотелось: с минуты на минуту, должна была подъехать с моим адъютантом и грумом[10], — однако время шло, а их всё не было.

Сильно обеспокоенный её отсутствием, я повернул коня назад, и на полпути услышал тихие, жалобные стоны, которые раздавались, как мне показалось, недалеко от меня. Внимательно осмотревшись, я как ни приглядывался, никого не увидел.

Я слез с лошади, приложил ухо к земле и понял, что стоны раздаются из-под земли, причём ясно различаются голоса жены, адъютанта и грума. Осмотревшись, неподалёку я заметил отверстие каменноугольной шахты. Не оставалось никаких сомнений, что они провалились в шахту.

---

[10] Сноски: 10

Грум — слуга, верхом сопровождавший всадника или ехавший на козлах и на задке экипажа.

Вскочив на лошадь, помчался я в ближайшую деревню за рудокопами, и те с большим трудом

и спустя долгое время вытащили несчастных из глубокой, девятнадцатисаженной[11], шахты: сначала грума с лошадью, потом адъютанта и, наконец, мою жену и её турецкую лошадку.

Замечательно, что ни люди, ни лошади нисколько не пострадали, несмотря на значительную высоту, с которой упали, и отделались лишь небольшими ушибами, зато испуг, пережитый ими, был так велик, что не поддаётся никакому описанию.

О дальнейшей охоте, как вы хорошо понимаете, нечего было и думать. Отдавшись спасению пострадавших, я, естественно, забыл о собаке, как и вы, мои дорогие читатели, а потому, вероятно, не станете на меня за это пенять.

На другой день мне пришлось уехать из дому по делам службы. Вернулся я только через две недели и сразу же заметил отсутствие моей Дианы. Никто о ней не беспокоился: все были уверены, что она отправилась за мной следом. Мы всюду её искали, но нигде, к великому моему горю, не могли найти.

Вдруг у меня мелькнула мысль, не осталась ли собака сторожить куропаток в поле. Волнуемый

---

[11] Сноски: 11

Са́жень — мера длины, равная 2,134 метра.

то ли страхом, то ли надеждой, я поскакал туда, где охотился в последний раз. И, к своему несказанному удовольствию, нашёл её там.

Я крикнул ей «фас!». Диана прыгнула, согнав куропаток с места, и одним выстрелом мне удалось положить двадцать пять штук.

Бедное животное так ослабло от голода и усталости, что едва доползло до меня. Дойти до дома собака не могла, и поневоле пришлось везти её в седле. Излишне говорить, с каким удовольствием и радостью я перенёс это маленькое неудобство.

Благодаря хорошему уходу Диана скоро поправилась и спустя несколько недель помогла мне разгадать удивительную загадку, которая без её помощи навеки осталась бы неразрешённой.

Два дня собака беспрерывно гонялась за одним и тем же зайцем, причём несколько раз выгоняла на меня, но выстрелить не удавалось, так как косой не подпускал к себе близко.

Что за наваждение? Каких только приключений мне не приходилось переживать, а такого случая ещё не было. Я терялся в догадках.

Наконец заяц подвернулся-таки: я его подстрелил. Не описать удивление, которое меня охватило, когда я подошёл к нему. Вы и представить себе не можете то, что я увидел! Кроме

обычных лап у него было ещё четыре на спине. Когда уставали нижние, он переворачивался на ходу и бежал на верхних. Словом, делал так, как искусный пловец, который, устав плавать на животе, переворачивался на спину. Теперь понятно, почему Диана не могла догнать этого диковинного зверя.

Восьминогих зайцев я больше никогда не встречал, да и этого не пришлось бы увидеть, не будь у меня такой чудесной собаки. Я мог бы сказать, что Диана — единственная собака, обладающая столь редкими качествами, если бы у меня не было другой — борзой.

Эта собака была замечательна не столько красотой, сколько удивительной резвостью и в этом отношении не имела соперниц. Всякий, кто видел её на охоте, приходил в восторг. Знакомые понимали, за что я её люблю и почему так часто с ней охочусь. Моя борзая так много, долго и часто бегала на своём веку, что стёрла себе лапы почти до живота. Состарившись, она уже не могла гонять зайцев и служила мне только при охоте на барсуков.

В пору своей молодости — кстати, надо заметить, это была самка — как-то раз гналась она за зайцем. Я едва поспевал за ней на лошади. Вдруг слышу издали, будто гонится целая свора собак, но лай такой слабый и нежный, что я стал в тупик, а подъехав поближе, увидел чудо из чудес.

Во время гона[12] зайчиха и собака разрешились от бремени и принесли по одинаковому количеству детёнышей. Инстинктивно новорождённые зайчата пустились бежать, а щенята — за ними вдогонку. Таким образом, оказалось, что я, начав охоту с одной собакой, закончил с шестью и вместо одного зайца загнал шесть.

---

[12] Сноски: 12

Гон — брачный период у животных.

С неменьшим удовольствием вспоминаю я превосходную во всех отношениях лошадь литовской породы, которой не было цены. Эта животина досталась мне благодаря счастливому случаю, который дал возможность показать искусство верховой езды, в котором я соперников не имел.

Это было в Литве, в чу́дном имении графа Пржбовского. Всё дамское общество и я сидели за

чайным столом, а мужчины вышли на крыльцо полюбоваться на породистого коня, недавно приведённого в графское имение.

Вдруг в открытое окно до нас донеслись крики. Я выскочил на крыльцо и увидал страшный переполох на дворе. Конь бешено носился по двору, брыкался и никого к себе не подпускал. Все ужасно перепугались, и никто не решался к нему подойти. Самые смелые наездники не знали, что делать; на лице были написаны испуг и озабоченность. Тут я ловко, одним прыжком, вскочил на спину коня. Он было отпрянул, взвился на дыбы, стал бить копытами, но скоро, почувствовав умелую и сильную руку, смирился.

Мне очень хотелось показать дамам искусство верховой езды, но, чтобы их не беспокоить, я заставил коня вскочить в столовую через открытое окно и принялся демонстрировать то шаг, то рысь, то галоп, после чего, уже на чайном столе проделал всю школу верховой езды, чем привёл дам в неописуемый восторг. Конь оказался настолько ловким, что не разбил ни одной чашки, ни одного стакана.

Граф также пришёл в восхищение от моего необыкновенного искусства и со свойственной ему любезностью подарил мне коня и пожелал

успехов в военной службе, куда я собирался поступить под начальство графа Миниха.

Лучшего подарка я не мог и желать, а потому с нетерпением ждал выступления нашей армии в поход против турок и начала военных действий, где мне предстояло получить первое крещение огнём. Мне нужен был именно такой путь: смирный как ягнёнок и горячий как Буцефал[13], чтобы напоминать о долге честного солдата и великих бранных подвигах Александра Македонского.

Казалось, наш поход был предпринят с целью восстановить честь русского оружия, пострадавшую в неудачном походе на Прут[14] под начальством царя Петра Великого. Наша армия, со знаменитым Минихом[15] во главе, после трудных и славных походов одержала блестящую победу над турками.

Скромность не позволяет подчинённым приписывать себе великие победы, слава которых обыкновенно достаётся одним полководцам. Вот

---

[13] Сноски: 13

Буцефа́л — любимый конь Александра Македонского.

[14] Сноски: 14

Прутский поход состоялся в 1711 году.

[15] Сноски: 15

Христофо́р Анто́нович Ми́них (1683–1767) — генерал-фельдмаршал, сподвижник Петра Великого.

и я не претендую на честь победы, одержанной нашей армией над неприятелем. Все мы исполняли, как могли, свой долг. А это слово на языке патриота, солдата, да и просто честного человека, имеет более глубокий смысл, чем обыкновенно думают. Я служил в гусарах, командовал отдельным корпусом. Не раз мне поручали ходить в разведку и всецело доверялись моему уму и храбрости. Следовательно, я вправе сказать, что мне и доблестным гусарам, которых я вёл к славе и победе, следует приписать счастливый исход всех возложенных на нас поручений.

Однажды, это было под Очаковом, мы отбросили турок к крепости. В авангарде закипел горячий бой. Мой быстроногий литовец опередил всех и унёс меня в самое пекло.

Я был вне линии огня и видел наступление неприятеля. Турки подняли громадное облако пыли, и оно мешало угадать их силы и намерения. Я мог бы скрыть своё присутствие, воспользовавшись тем же прикрытием, но это замедлило бы выполнение возложенного на меня поручения, поэтому приказал своим гусарам развернуться пошире на обоих флангах и поднять как можно больше пыли, а сам пошёл в атаку на неприятеля с фронта. Турки, видя нападение с трёх сторон и

не будучи в состоянии угадать численность нашего отряда, не выдержали и бросились наутёк. Мы этим и воспользовались. Преследуемый нами неприятель бежал частью в крепость, частью ещё дальше.

Я мчался впереди всех на своём скакуне, но заметив, что турки устремились к воротам крепости, остановился на базарной площади, чтобы приказать трубить сбор.

К моему величайшему изумлению, поблизости не оказалось ни трубача, ни вестового — словом, ни единой живой души. Я подумал, что гусары либо скачут по другим улицам, либо с ними что-то случилось. По моим расчётам, они не могли оказаться далеко и вскоре должны были меня догнать.

Ожидая их, я повернул к колодцу, который располагался здесь же на площади, чтобы напоить моего усталого скакуна. Конь жадно припал к воде, и сколько ни пил, никак не мог напиться. Объяснилось это просто. Я обернулся назад посмотреть, не скачут ли гусары, и каково было моё удивление, когда увидел, что у лошади отсутствует задняя половина туловища. Понятно, вода не удерживалась и вытекала на землю, не принося бедному животному ни прохлады, ни

облегчения.

Я не мог себе объяснить, как такое случилось. В этот момент с той стороны, откуда меньше всего ожидалось, прискакал мой вестовой. Поздравив меня с победой, он рассказал, как, преследуя по пятам бегущего неприятеля, вскочил в крепостные ворота. В ту же минуту неожиданно опустили тяжёлую железную решётку, которая и отрубила зад моему коню. Вестовой ничего не заметил и поскакал дальше, а отрубленный зад остался на месте, стал бить ногами, чем произвёл среди неприятеля страшное смятение, а затем ускакал на ближайший луг, где, как сказал вестовой, я, вероятно, его и найду. Я тотчас повернул назад и помчался на луг, и там, к моей величайшей радости, нашёл заднюю половину моего скакуна, которая мирно расхаживала.

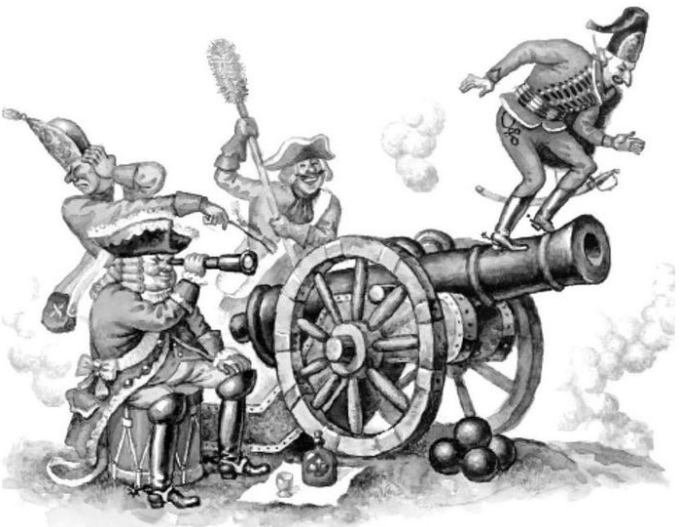
Итак, не оставалось никакого сомнения в том, что обе половины моего коня живы. Я поспешил послать за коновалом[16]. Недолго думая, он сшил обе половинки вместе молодыми побегами тут же росшего лаврового дерева. Рана очень хорошо зажила, но тут произошло нечто удивительное, что могло случиться только с таким необыкно-

---

[16] Сноски: 16

Коновáл (*устар.*) — знахарь, лечащий лошадей.

венным конём. Побеги пустили корни в тело и разрослись. Образовалась беседка, в тени которой я совершил весь остальной поход. Лавры пришлись кстати, так как вся компания была рядом блестящих побед.

Упомяну ещё об одном случае, который произошёл со мной после жаркого боя с турками. Я так привык на войне рубить врага, что рука помимо воли неустанно размахивала вправо-влево и, несмотря на все мои усилия, никак не останавливалась.

Чтобы не причинить себе и окружающим увечий, пришлось подвязать её и так проходить целую неделю, точно руку мне отрубило по локоть.

Я, сумевший объездить такого дикого скакуна, как мой литовец, заслуживаю доверия, если скажу, что мог показать чудеса ловкости по части вольтижировки[17] и верховой езды. В устах кого-либо другого эти рассказы казались бы совершенно неправдоподобными.

Мы осаждали, уж не припомню какой, город. Фельдмаршал пожелал во что бы то ни стало знать, что происходит у неприятеля. Проникнуть в крепость мимо форпостов, бдительно охраняемых многочисленными часовыми, казалось делом чрезвычайной трудности, да и не нашлось надёжного человека, которому можно было бы

[17] Сноски: 17

Вольтижиро́вка — дисциплина конного спорта, в которой спортсмен выполняет гимнастические и акробатические упражнения на лошади, движущейся по кругу шагом или галопом.

это поручить.

Преисполненный храбрости, горя служебным рвением, я взялся за это дело и, недолго думая, стал возле жерла самой большой пушки в ожидании, пока из неё не выстрелят. В тот момент, когда вылетело ядро, я вскочил на него верхом, рассчитывая таким образом попасть в крепость.

Пока летел, раздумывал: «Положим, попаду я в крепость, но как вернуться обратно? Наконец, что ждёт меня в крепости? Нет никакого сомнения, что примут за шпиона и вздёрнут на первой виселице. Самое благоразумное — убраться подобру-поздорову восвояси».

Набросав наскоро в записной книжке план неприятельских укреплений, я перескочил на встречную бомбу, летевшую в наш лагерь, и благополучно вернулся к своим.

Как и я, конь мой удивительно искусно брал любые барьеры. Для него не существовало ни заборов, ни рвов — словом, никаких преград. Это давало мне возможность всегда ездить по прямой.

Как-то раз отправился я травить зайцев. Спасаясь от преследования, косой перебегал дорогу как раз в тот момент, когда проезжала карета с двумя молодыми дамами из высшего общества.

Всё это случилось так неожиданно, что я не успел повернуть коня и мой горячий литовец на всём скаку пролетел сквозь открытые окна кареты. Я едва успел поклониться дамам и извиниться за причинённое беспокойство.

В другой раз, когда конь прыгнул, намереваясь перескочить болото, я заметил, что оно шире, чем казалось, и в тот миг, когда литовец взвился в воздух, сумел повернуть его и вернуться на прежнее место, чтобы взять больший разбег. Но и во второй раз не получилось: конь сорвался и увяз в болоте по самую шею. От неминуемой гибели я спасся только благодаря своей удивительной силе: стиснув бока литовца ногами, стал тянуть себя за косу и таким образом вытащил нас обоих из болота.

Несмотря на всю мою храбрость и ум, на силу, быстроту и выносливость коня, и со мной случались неудачи. Я имел несчастье попасть в плен к туркам, победившим меня превосходством своих сил. И там постигла меня печальная участь: как это часто случается и теперь, турки продали меня в рабство.

Сделавшись рабом, я был вынужден исполнять самую простую работу, лёгкую, но скучную и мне совсем не знакомую. Меня поставили на

должность пчеловода в султанских садах. Моя обязанность состояла в том, чтобы каждый день с восходом солнца гнать пчёл на пастбище в поле, стеречь их там целый день, а вечером пригонять обратно в улей.

Как-то вечером я заметил, что одной пчелы недостаёт и, оглянувшись, увидел двух медведей, которые, надеясь поживиться мёдом, вознамерились разорвать пчелу. У меня ничего не было в руках, кроме серебряного топорика, который имеет при себе каждый из рабов при султанских садах. Его-то я и запустил в медведей.

Мне действительно удалось таким образом спасти пчёлку, но, к несчастью, случилась другая беда. Размах руки был так силён, что топорик, пролетев над головами медведей, стал подниматься всё выше и выше, пока не упал на Луну.

Как его достать? Где я найду такую лестницу, чтобы влезть на Луну?

Тут я вспомнил про турецкие бобы, которые не только быстро растут, но и часто достигают

удивительной высоты, и тотчас посадил один в землю. Боб стал расти прямо на глазах, всё выше и выше, пока не зацепился за один из рогов месяца. Удача несказанно меня обрадовала. Я полез по стеблю кверху и благополучно добрался до Луны. Немалого труда стоило найти серебряный топорик на поверхности, где всё блестело, как серебро. Наконец он отыскался на куче мякины и соломы.

Я собрался уже спускаться на Землю, но увы: пока разыскивал топорик, боб высох под жгучими лучами солнца и стал совсем непригоден.

Что делать? И вновь помогла смекалка. Из соломы я свил длинную верёвку и, привязав за рог месяца, пустился в путь, скользя по ней правой рукой по верёвке, а левой удерживая топорик. До-

бравшись до конца верёвки, я обрубил у себя над головой кусок, привязал его к тому, что остался под моими ногами, и продолжил спуск. Таким образом мне удалось преодолеть довольно большое расстояние, но, к сожалению, верёвка от постоянного обрубания и связывания перетёрлась и оборвалась и я с высоты двух миль полетел вниз с такой скоростью, что скоро лишился сознания. Когда же пришёл в себя, понял, что ушёл в землю на девять саженей, но не знал, как выбраться. Но чему не научит нужда! Ногтями я вырыл в земле ступеньки и благополучно вышел на свет божий.

Наученный горьким опытом, решил я прибегнуть к другому способу, чтобы отделаться от мишек, лакомых до мёду: взял дышло[18] от телеги, намазал мёдом, а сам спрятался в засаду.

[18] Сноски: 18

Ды́шло — толстая оглобля, прикрепляемая к середине передней оси повозки.

Случилось то, что я и предвидел. Как только наступила ночь, сладкий аромат мёда приманил громадного медведя. Ухватив дышло, он стал жадно лизать мёд. Лижет, лижет, а сам подвигается

по дышлу всё дальше и дальше. Оно и прошло через глотку косолапого, желудок, внутренности, и конец его высунулся сзади. Тогда я выскочил из засады, схватил кол, забил в дышло и оставил в таком положении до утра. Медведь не мог тронуться с места.

На другое утро султан, любивший гулять в саду, увидав медведя, очень смеялся над моей выдумкой.

Вскоре после этого был заключён мир с турками. Меня и других пленных привезли в Петербург. Служить я не хотел, вышел в отставку и уехал

из России.

В тот год повсюду в Европе царствовал страшный холод. Даже само солнце, казалось, озябилось и с того времени и до наших дней никак не может поправиться — нет-нет да и прихворнёт. Вот эти-то холода и заставили меня по пути на родину пережить больше невзгод и неудобств, чем во время путешествия по России.

Моего литовца турки оставили у себя и, поневоле пришлось ехать домой на почтовых. В одном месте дорога проходила в узком коридоре между высокими плетнями из терновника, и я приказал ямщику[19] трубить в рог, чтобы предупредить столкновение со встречными. Тот принялся что есть мочи дуть в рог, но, сколько ни старался, не смог издать ни звука. Это показалось очень странным и не прошло для нас даром: мы столкнулись со встречной каретой. В этом месте дорога была так узка, что не было никакой возможности разъехаться. Недолго думая я выскочил наружу, отпряг лошадей, взвалил на спину карету со всем багажом и перепрыгнул через плетень в сажень высотой. Нелегко мне это далось: сама карета весила немало, да и багажа в ней было довольно.

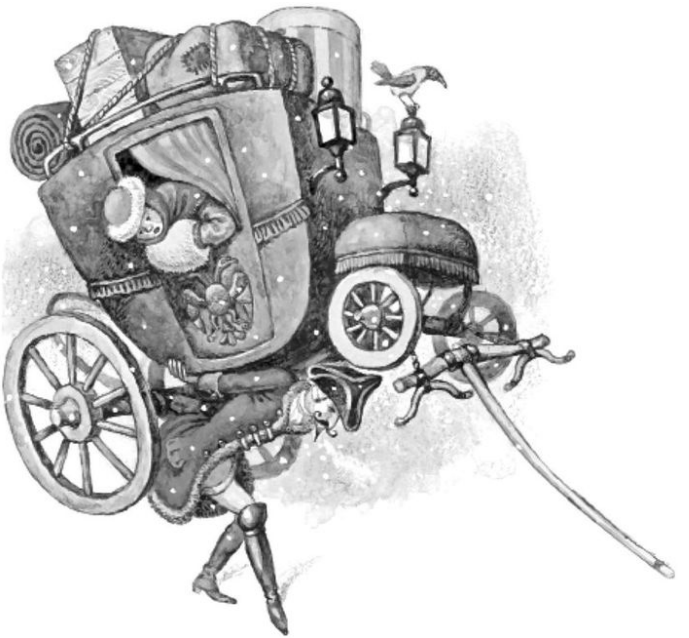
---

[19] Сноски: 19

Ямщи́к — человек, занимавшийся перевозкой на лошадях почты, грузов и пассажиров.

Освободившись от ноши, я вернулся за лошадьми, и с ними опять перескочил через плетень. Ямщик запряг их, и мы благополучно добрались до постоялого двора.

Я забыл упомянуть, что одна из лошадей, горячая четырёхлетка, доставила мне во время путешествия через плетень к тому месту, где оставалась карета, немало хлопот. Как только я разогнался и прыгнул, лошадка стала фыркать, бить задом, но мне тотчас удалось её укротить, схватив за задние ноги и сунув их в карман сюртука.

На постоялом дворе мы стали припоминать приключившийся с нами в дороге случай. Я сидел на скамейке, ямщик снял рожок, повесил на

гвоздь над плитой и стал греться у огня. И вот, когда мы совсем этого не ожидали, рожок заиграл! Несказанно удивившись, мы не могли ничего понять. Замёрзшие от страшного холода звуки оттаяли и громко и ясно раздались в комнате, к великой радости ямщика. Звуки всё неслись и неслись. Одна пьеса сменялась другой, и импровизированный концерт закончился прелестной вечерней песней.

Позвольте и мне закончить рассказ о путешествии в Россию.

Многие путешественники переживают необыкновенные приключения, и неудивительно, что их рассказы порой вызывают некоторую долю сомнений.

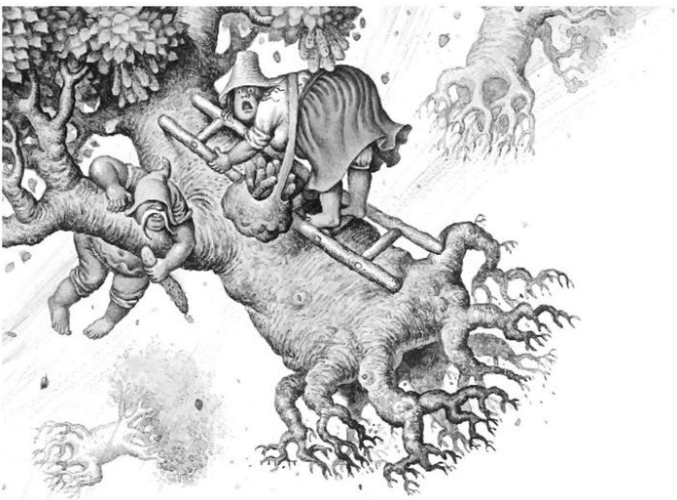
Однако если кто-либо из молодых читателей усомнится в правдивости моих рассказов, то глубоко оскорбит меня этим. Пусть уж лучше он захлопнет книгу, прежде чем я перейду к приключениям на море, ещё более необычайным, хотя и не менее достоверным.

Морские приключения барона Мюнхгаузена

Приключение первое

Я немало поскитался по свету, а началось всё с морского путешествия задолго до поездки в Россию, где со мной произошло так много удивительного.

С юных лет я мечтал о путешествиях, почти с того нежного возраста, когда на моём подбородке едва стал пробиваться пушок, который можно было принять за что угодно, только не за бороду, и «когда вёл бесконечную тяжбу с гусями», как любил шутить мой дядюшка, бравый гусар с чёрными как смоль усами. Мой отец, также много попутешествовавший на своём веку, любил в долгие зимние вечера рассказывать о своих приключениях, ещё больше укрепив во мне врождённую страсть к путешествиям.

Я не упускал ни единой возможности испросить у отца позволения побывать в чужих странах, но всё было напрасно. Иногда мне как будто удавалось его убедить, но тут на сцену являлись мать и тётка, горячо восставали против моих планов, и я снова терпел неудачу.

Однажды к нам приехал погостить родственник моей матери, и мы с ним очень подружились. Он считал меня славным весёлым юношей и обещал помочь в осуществлении заветной мечты.

Его доводы оказались убедительнее моих. После бесконечных разговоров и споров, в которых принимала особенно горячее участие женская половина нашей семьи, было наконец, к моей невыразимой радости, решено, что я поеду с этим родственником на Цейлон, где его дядя давно был губернатором.

Получив от голландского правительства чрезвычайные поручения, в скором времени мы отбыли из Амстердама.

Переезд был благополучен. Кроме страшного шторма, ничего особенного не случилось. Об этом шторме, имевшем столь замечательные последствия, надо сказать несколько слов.

Начался он в то время, когда мы подошли к одному из островов и бросили якорь, чтобы пополнить запасы дров и пресной воды. За короткое время стихия так разбушевалась, что вырывало с корнями громадные толстые деревья и носило по воздуху на высоте нескольких вёрст, откуда они выглядели не больше птичьих пёрышек. Но вот шторм улёгся, а все деревья как по волшебству

вернулись на свои прежние места и прижились. Всё приняло свой обычный вид, как будто урагана и не бывало.

Лишь с одним из лесных великанов случилось нечто странное. В момент, когда шторм разбушевался, на дереве сидели муж и жена и рвали огурцы, которые в этой части света растут не на грядах, а на деревьях. Невольные путешественники благополучно перенесли воздушный полёт, но своей тяжестью отклонили дерево в сторону от того места, где оно росло, и рухнули вместе с ним на землю.

Шторм не щадил ничего на своём пути: срывал крыши, сносил дома, сея страшную панику. Боясь быть погребёнными под развалинами, жители и всемилостивейший монарх покинули свои жилища. Злополучное дерево с супружеской четой упало в тот самый момент, когда повелитель шёл по саду, и, к счастью, придавило его.

«Почему к счастью?» — спросите вы.

Да потому, что управлял народом страшнейший деспот и все его подданные, не исключая любимцев, были самыми несчастными людьми в подлунном мире. В кладовых дворца гнили съестные припасы, которые по приказу монарха изымались у народа, в то время как люди умирали от голода. Внешняя безопасность островного государства была вполне обеспечена, но тем не менее всех молодых людей обязывали нести военную службу. Тех, кто противился, повелитель нередко собственноручно наказывал. Вымуштрованных солдат он при случае продавал соседним царькам, если те хорошо платили. Эта торговля приносила ему миллионы раковин, приумножая богатства, унаследованные от отца.

В благодарность за великую услугу, оказанную, пусть и случайно, народу — избавление от тирана, — супружескую чету возвели на трон.

Несмотря на то что эти добрые люди во время полёта потеряли зрение и несколько поглупели, правили государством всё же достойно. Всякий из подданных, как я потом узнал, собирая огурцы, непременно творил молитву: «Боже, храни нашего повелителя».

Починив судно, сильно пострадавшее от шторма, и откланявшись монаршей чете, мы вышли из гавани и благодаря попутному ветру через шесть недель благополучно прибыли на Цейлон.

По прошествии двух недель старший сын губернатора пригласил меня на охоту, и я с величайшей радостью принял это приглашение. Мой спутник, сильный и здоровый мужчина, легко переносил тропическую жару, а я, несмотря на то что шли мы медленно, очень быстро утомился, начал отставать и, наконец, совсем потерял его из виду, оставшись в лесу в полном одиночестве. Пробегавший невдалеке бурливый поток, разливая свежесть и прохладу, так и манил отдохнуть. Не успел я присесть, как услышал за спиной шорох.

Я вскочил посмотреть, что там, и от ужаса не мог сдвинуться с места. На меня шёл громадный тигр. Было очевидно, что он собирался позавтракать мною, и, конечно, не станет дожидаться

моего согласия. Ружьё у меня было заряжено дробью. Этот заряд хорош на зайца, но что он тигру! Будь что будет, сказал я себе и прицелился наудачу: пусть не убью, так хоть испугаю или, кто знает, раню. От волнения я поторопился с выстрелом и не попал. Тигр страшно заревел и яростно бросился на меня. Только из чувства самосохранения я припустил что есть мочи, но в то же мгновение наткнулся на страшного крокодила, при одном воспоминании о котором и теперь пробегают по телу мурашки. А чудовище уже раскрыло свою огромную пасть, намереваясь меня проглотить.

Представьте, в каком ужасном положении я оказался: сзади тигр, спереди крокодил, а справа — пропасть, кишевшая ядовитыми змеями.

Меня охватил невыразимый ужас. Думаю, на моём месте и Геркулес[20] испугался бы не менее. Как сноп повалился я на землю: с одной стороны тигр, с другой — крокодил угрожали неминуемой смертью. Так прошло несколько долгих томительных секунд. Вдруг до меня донёсся какой-то звук, резкий и сильный. Я поднял голову, и то, что увидал, вызвало во мне и безграничное удивле-

---

[20] Сноски: 20

Геркуле́с — древнеримское имя героя древнегреческих мифов Геракла; был сыном Зевса и отличался необыкновенной физической силой.

ние, и несказанно обрадовало: тигр, не рассчитав силу прыжка, перескочил через меня и угодил в пасть крокодила.

Большая голова хищника застряла в пасти крокодила, а тот не мог его проглотить. В один миг я подскочил к барахтавшимся животным и рубанул саблей по шее тигра, а когда он рухнул к моим ногам, схватил ружьё и принялся проталкивать дулом голову тигра в пасть крокодила, пока тот не задохнулся.

Вскоре после этого, обеспокоенный моим долгим отсутствием, вернулся губернаторский сын. Поздравив меня со столь славной победой, он предложил измерить туловище крокодила. Оказалось — без малого шесть саженей[21].

Когда я рассказал губернатору об этом удивительном случае, он приказал послать людей и лошадей за убитыми хищниками.

Из тигровой шкуры я велел сшить кисеты в подарок моим цейлонским друзьям, а оставшиеся отвёз в Голландию и вручил бургомистру. Немалого труда стоило отказаться от тысячи

---

[21] Сноски: 21

Са́жень — русская мера длины, равная 2,134 метра.

дукатов[22], которыми меня хотел отдарить бургомистр за этот презент.

Из кожи крокодила по моей просьбе изготовили чучело, и я принёс его в дар Амстердамскому музею. До сей поры этот экспонат считают одной из величайших достопримечательностей и всякому посетителю рассказывают историю крокодила. Рассказы эти полны всяких небылиц: можно, например, услышать, будто тигр благополучно проскочил через внутренности крокодила и чуть не улизнул, но всесветно известный, как меня там называют, барон Мюнхгаузен отрубил ему голову, а вместе с ней и трёхфутовый кусок хвоста крокодила. Яростно взвыв от боли, крокодил обернулся и, вырвав у барона саблю, проглотил её, да так неудачно, что лезвие глубоко вонзилось в сердце и наповал убило рептилию.

Нечего и говорить, как всё это мне неприятно. В наш скептический век вряд ли кто поверит таким нелепым рассказам. Всякий, кто меня не знает, может усомниться в моих подвигах, а это недоверие, согласитесь, очень обидно для честного имени Мюнхгаузена.

---

[22] Сноски: 22

Дука́ты — серебряные или золотые монеты, использовавшиеся в качестве денежной единицы во многих европейских странах.

Приключение второе

В 1776 году я отплыл из Портсмута в Северную Америку на английском судне. Это был военный, хорошо вооружённый корабль с сотней пушек и с почти полуторатысячным экипажем. Я мог бы здесь рассказать о моих приключениях в Англии, но отложу это до другого раза.

В пути с нами не случилось никаких особенных приключений. Только однажды, когда мы шли на расстоянии трёхсот миль[23] от устья реки св. Лаврентия, корабль ударился обо что-то, что мы приняли за подводную скалу. Сброшенный в воду лот показал более пятисот саженей глубины в этом месте, что вызвало недоумение. Вслед за этим на судне стали происходить несчастья, причина которых нам казалась необъяснимой: так, мы потеряли руль, треснул пополам бугшприт, все мачты расщепились сверху донизу, а кроме того, двух членов экипажа выбросило за борт.

Один из матросов, поднявшись на самую высокую мачту, чтобы убрать большой парус, был отброшен с такой силой, что отлетел почти на

---

[23] Сноски: 23
Ми́ля — путевая мера для измерения расстояния.

три мили от корабля. И только благодаря смекалке, он спасся от неминуемой гибели: на лету уцепился за хвост крупной морской птицы и вместе с ней медленно спустился на воду, а потом сел на неё верхом. Так он держался, пока его не взяли на корабль.

Удар был так силён, что всех находившихся на средней палубе подбросило к потолку. Я так ударился головой, что она глубоко ушла в плечи и только спустя несколько месяцев вместе с шеей стала на прежнее место.

Мы всё ещё не могли прийти в себя от пережитого, но внезапно всё успокоилось и нашему взору предстал огромный кит: пригретый солнцем, он крепко спал.

Разбуженный нашими криками и шумом, кит пришёл в страшную ярость, сбил ударами хвоста галерею борта и часть палубы, схватил зубами большой якорь, висевший на корме, и потащил корабль за собой.

Десять часов нас несло неизвестно куда. За это время судно сделало уже шестьдесят миль, и трудно сказать, где и когда мы остановились бы. К счастью, якорная цепь лопнула и кит поплыл дальше один с нашим якорем.

Через шесть месяцев, возвращаясь в Европу, мы

увидали того самого кита на расстоянии нескольких миль от места, где встретили его в первый раз. Но теперь кит был мёртв. Его громадное тело качалось на поверхности воды. Мы измерили его туловище, и каково же было наше удивление, когда увидели, что длина его равняется полумиле. Чудовище было так велико, что взять его целиком на корабль не было никакой возможности. Подъехав на лодке, мы с большим трудом отрубили ему голову и, к великой нашей радости, в пасти обнаружили якорь, а из дупла левого зуба торчал конец цепи в сорок саженей длиной.

Столкновение с китом было единственно выдающимся случаем в этом путешествии.

Виноват! Чуть-чуть было не забыл ещё один несчастный случай. Когда кит нас тащил, корабль дал течь. Вода очень быстро прибывала, и нам угрожала опасность через каких-нибудь полчаса пойти ко дну, несмотря на работу всех помп. Пробоина была довольно велика, почти фут в поперечнике. К счастью, я первый заметил беду, но, как ни старался заделать пробоину, всё было напрасно. Тут мне в голову пришла счастливая мысль: ей-то и были обязаны своим спасением корабль и экипаж, — заткнуть пробоину задней частью своего тела, что я и сделал без всяких

церемоний. Конечно, сидеть было довольно прохладно, но искусный плотник, производивший починку, скоро меня освободил.

Приключение третье

Однажды я чуть было не погиб в Средиземном море.

Как-то летом после обеда надумал я искупаться. Это было недалеко от Марселя — и только вошёл в воду, смотрю — огромная рыба, широко раскрыв пасть, плывёт прямо на меня. Убежать не было никакой возможности: страшное чудовище стремительно приближалось. Что делать?! Притянув ноги к животу, а руки прижав как можно крепче к груди, я благополучно проскользнул между зубами в желудок чудовища.

Само собой разумеется, в моём новом помещении царил полный мрак, но зато я не мог пожаловаться на недостаток тепла.

Моё пребывание в желудке чудовища было крайне неприятно его хозяину, который делал всевозможные усилия, чтобы избавиться от непрошеного гостя. Пользуясь простором своего обиталища, я поднял в нём страшную возню: ходил, бегал, скакал, кувыркался, стараясь всячески досадить рыбине. И вот когда я дошёл до шотландского танца и принялся быстро перебирать ногами, она пришла в крайнюю раздражительность, стала яростно кидаться из стороны в сторону и, наконец, поднялась почти вертикально из воды. В эту минуту её заметили с купеческого корабля, стали бросать гарпуны и скоро попали.

Когда рыбина оказалась на палубе, я услышал, как собравшиеся матросы советовались, откуда начать её резать, чтобы получить побольше жира, и пришёл в неописуемый ужас при мысли, что мне не избежать ножа. Предполагая, что матросы начнут резать с хвоста, я встал посреди желудка, где свободно могло бы поместиться ещё не меньше дюжины. Однако страх мой был напрасен: рыбаки прежде всего вскрыли полость живота. Как только свет проник в темноту, я принялся кричать что есть мочи от радости. Трудно передать удивление, которое охватило матросов,

когда они услышали человеческий голос, доносившийся из чрева рыбы, и когда вслед за тем увидели вылезавшего оттуда голого человека.

После моего рассказа о происшествии, несказанно удивлённые, эти добрые люди дали мне поесть. Утолив голод и отмывшись, я отправился за своим платьем и нашёл его на берегу, на том месте, где и оставил. Пробыл я в желудке рыбы, по приблизительному расчёту, около полутора часов.

Приключение четвёртое

В пору службы у турецкого султана я очень любил совершать прогулки на своём двухмачтовом корабле по Мраморному морю, откуда открывался чудеснейший вид на Константинополь.

И вот однажды залюбовался я чудным ясным небом и вдруг увидел над собой какой-то круглый предмет, не больше бильярдного шара, к которому было ещё что-то привязано.

У меня имелось отличное дальнобойное ружьё, и я никогда с ним не расставался. Я зарядил его пулей и выстрелил, но предмет, что привлёк моё внимание, по-прежнему висел в воздухе. Я снова зарядил ружьё, уже двумя пулями, но и это ни к чему не привело. Только третьим выстрелом, когда ружьё было заряжено четырьмя или пятью пулями, мне удалось пробить загадочный шар, и тот стал медленно опускаться.

Представьте себе моё удивление, когда приблизительно в двух саженях от судна в воду упала раззолочённая гондола с громадным воздушным шаром, который смог бы закрыть купол самой большой церкви.

В гондоле находился воздухоплаватель, а около

него лежала половина свежеизжаренного барашка. Когда мы оправились от неожиданности и подошли ближе, я велел своим людям взять этого человека на борт корабля.

Воздухоплаватель по виду походил на француза, каковым в действительности и оказался, и явно очень богат: из каждого кармана жилета у него висело по две золотых цепочки с массой брелоков, на которых были изображены знатные господа, а к петлям камзола[24] крепилось по золотой медали стоимостью не менее ста дукатов. Пальцы его были унизаны драгоценными бриллиантовыми кольцами, а карманы раздувались от кошелей, так туго набитых золотом, что едва не тянули его к земле. Волнение француза было так велико, что он едва мог проронить слово.

Несколько успокоившись, он поведал свою историю:

Будучи канатным плясуном и эквилибристом, восемь дней назад он с Кариваллийского мыса в Англии поднялся на шаре и взял с собой живого барашка, чтобы поразить многочисленную публику, собравшуюся на представление воздушной эквилибристики. К несчастью, минут через

[24] Сноски: 24

Камзо́л — короткая приталенная мужская одежда длиной до колен, иногда без рукавов, надевавшаяся под кафтан.

десять поднялся сильный ветер и погнал шар к морю, поднимая его всё выше и выше. Барашек тут и пригодился. Уже на третий день его стал мучить сильный голод, и бедное животное пришлось зарезать.

Между тем шар всё не спускался. Давно уж и месяц остался внизу, а шар продолжал подниматься. И вот через день подлетел так близко к солнцу, что бедолага обжёг себе брови. Ободрав барашка, он выставил тушку на совершенно открытое место гондолы, где солнце грело всего сильнее, и через сорок минут она изжарилась. Это и спасло его от голодной смерти.

Закончив рассказ, француз устремил взор вдаль, на видневшийся город, а когда узнал, что это Константинополь, был крайне удивлён: не думал, что ветер отнёс его так далеко. Шар продержался в воздухе так долго, прибавил он, по той причине, что проводник от клапана воздушного шара для выпускания водорода, к несчастью, оборвался. Если бы выстрел не пробил шар, то до второго пришествия он носился бы между небом и землёй.

Француз в порыве великодушия подарил гондолу моему боцману, а остатки своего жаркого бросил в море. Что же касается шара, то от вы-

стрелов он пришёл в полную негодность и при падении в воду превратился в клочья.

Приключение пятое

За несколько месяцев до возвращения в Европу со мной произошло одно удивительное приключение.

Султан, которому я был представлен русским, французским и римским послами, дал мне секретное поручение чрезвычайной важности в Каире и во главе пышного посольства проводил из Турции. Дорогой мне посчастливилось увеличить свой штат наймом новых людей, оказавших мне впоследствии весьма важные услуги. Так, недалеко от Константинополя встретился нам маленький худенький человечек, который, несмотря на то что к каждой ноге у него было привязано по свинцовой гире фунтов[25] в пятьдесят, очень быстро бежал.

---

[25] Сноски: 25

Фунт — единица измерения массы, примерно равная 0,454 килограмма.

Удивившись, я спросил: Куда так спешишь, приятель? Зачем у тебя привязаны гири?

— Из Вены бегу, уже с полчаса, — ответил скороход. — Служил я у знатных господ, но сегодня мне отказали. Вот направляюсь теперь в Константинополь искать место. Спешить незачем, и чтобы не бежать слишком быстро, я привязал гири, вспомнив любимое изречение моего школьного учителя: «Тише едешь, дальше будешь».

Мне скороход понравился, и я предложил ему поступить ко мне на службу, на что он охотно согласился.

Мы поехали дальше, через города и страны. Как-то недалеко от дороги увидел я человека, неподвижно лежавшего на чу́дном лугу с сочной травой. Мне показалось сначала, что он крепко спит, однако, приглядевшись, я понял, что он вовсе не спал, а припав ухом к земле, к чему-то прислушивался.

— Чем ты там занят, друг мой? — спросил я.
— От скуки слушаю, как в поле растёт трава.
— И что, слышно?
— Ещё бы!
— Может, на службу ко мне пойдёшь?
«Кто знает — авось пригодится», — подумал я.
Человек поднялся и пошёл за мной.

Скоро на небольшом холмике я заметил охотника. Он во что-то долго целился, а потом выстрелил, как мне показалось, в воздух.

— Здравствуйте, господин охотник! Скажите, пожалуйста, куда это вы сейчас стреляли? Кроме неба, ничего вроде не видно.

— О! Это я новое ружьё испытывал. Вон там, на шпиле Страсбургского собора, сидел воробей. Так я его подстрелил.

Всякий, кто знает мою страсть к благородному занятию, охотно поймёт меня и не удивится, что я бросился на шею этому замечательному стрелку. Разумеется, я не пожалел ничего, чтобы взять его к себе на службу.

Снова мы двинулись в путь и, проехав немало стран, наконец достигли Ливонских гор. Нашему взору предстал вековой кедровый лес. Тут стоял плотный коренастый мужчина и тянул обеими руками за верёвку, которая была обвязана вокруг всего леса.

— Что это ты делаешь, дружище? — спросил я.

— Да вот пришёл нарубить леса на постройку дома, да забыл топор. Надо же как-то выходить из положения.

С этими словами он разом рванул верёвку, и весь лес, занимавший не менее квадратной мили,

как тростник, рухнул на землю. Не трудно угадать, что было дальше: решил я не расставаться с силачом, хотя бы на это потребовалось всё моё посольское жалованье.

Наконец мы добрались до Египта, но, едва переехали границу, поднялся страшный ураган. Каждую минуту я боялся, что мои экипажи, лошади и люди будут унесены вихрем.

Слева от дороги я заметил семь ветряных мельниц, крылья которых вертелись с невероятной скоростью, как веретено в руках искусной пряхи, а справа, как раз против мельниц, увидел необычайной толщины человека, прикрывавшего указательным пальцем правую ноздрю.

Заметив ужасное положение, в котором мы оказались, он тотчас повернулся к нам, встал во фронт и почтительно снял шляпу, как солдат перед офицером. В ту же минуту ветер стих и все мельницы моментально остановились. Удивлённый таким необычайным происшествием, показавшимся мне сверхъестественным, я крикнул толстяку:

— Что это означает? Не вошёл ли в тебя бес или ты сам чёрт?

— Простите, ваша светлость, — ответил толстяк. — По приказанию моего хозяина, мельника,

производил я ветер, но, чтобы не сдуло все семь мельниц, затянулся в одну ноздрю.

«Превосходно! Когда вернусь домой, — сказал я себе, — и начну рассказывать о своих чудесных похождениях на море и на суше, так что дух будет захватывать, этот человек, у которого лёгкие не хуже кузнечного меха, очень пригодится».

Мы скоро договорились, и толстяк, бросив своего мельника, присоединился к моей свите.

Наконец мы прибыли в Каир. Окончив успешно возложенное на меня султаном поручение, я рассчитал всё посольство, оставив лишь тех, кого нанял дорогой, и решил вернуться обратно частным образом.

Чу́дная погода и не поддающаяся никакому описанию красота Нила заставили меня изменить первоначальный план путешествия. Я решил добираться до Александрии по реке, и первые три дня всё шло превосходно.

Но кому неизвестны ежегодные разливы Нила? На четвёртый день нашего путешествия вода стала быстро прибывать, а через сутки затопила оба берега и прилегающие окрестности на многие мили.

На пятый день, после заката солнца, лодка за что-то зацепилась. Сначала я думал, что это ку-

старник или какое-либо водяное растение, но на другой день, когда совсем рассвело, увидел, что лодка застряла в ветвях миндального дерева, на котором росли чудные спелые плоды. Промер показал, что глубина воды в этом месте равнялась шестидесяти футам. К несчастью, мы не могли двинуться ни вперёд, ни назад.

Часов в восемь-девять утра, как я определил по солнцу, вдруг поднялся ветер и опрокинул лодку, и мы чуть не утонули.

А спасло нас дерево, за ветки которого мы схватились.

Так просидели мы на ветках три недели, питаясь всё время одним только миндалём. На двадцать второй день после нашего несчастного приключения вода начала наконец спадать, и на двадцать шестые сутки под ногами уже была земля.

Нашли мы лодку, чему очень обрадовались.

Она находилась приблизительно в двухстах саженях от того места, где погрузилась в воду. Забрав свои вещи и просушив на солнце, мы прихватили припасы, которые, к счастью, уцелели, и пошли искать русло реки.

Вода отнесла нас на сто пятьдесят миль в сторону, и только на седьмой день подошли мы к Нилу, снова вошедшему в русло. О своём несчастье поведали мы местному бею, и он принял в нас большое участие: дал свою лодку. Мы продолжили путь и через шесть дней прибыли в Александрию, где сели на корабль до Константинополя. Остальная часть путешествия прошла без всяких приключений. Султан принял меня очень милостиво и щедро наградил за удачно исполненное поручение.

Приключение шестое

Вернувшись из египетской экспедиции, я всё более и более приобретал милость султана. Его величество желал меня видеть ежедневно и приглашал утром и вечером к своему столу.

Должен признаться, что из всех владык мира у султана самый тонкий и изысканный стол. Конечно, это замечание надо отнести только к кушаньям, а не к напиткам, ибо известно, что Магомет[26] запретил своим последователям пить вино. По этой причине ни в одном турецком ресторане нельзя рассчитывать получить хотя бы толику алкоголя.

Но многое, что нельзя делать открыто, нередко делается втихомолку. Несмотря на запрещение Корана, иной турок не хуже любого прямодушного немца знает толк в вине. Его величество султан также был большой любитель выпить.

Во время трапезы о вине никто не заикался, но после обеда его величество уходил в свой кабинет, где обыкновенно его ждала бутылка

---

[26] Сноски: 26

Магоме́т — пророк Муха́ммед (570–632) — религиозный, общественный и политический деятель, основоположник ислама.

хорошего вина.

Однажды султан сделал мне украдкой знак, чтобы я следовал за ним и, заперев дверь, достал из небольшого потайного шкафчика бутылку.

— Мюнхгаузен, я знаю, что вы, христиане,

понимаете толк в вине. У меня ещё осталась бутылка «Токайского». Уверен, что вы никогда не пробовали ничего подобного. — Султан налил себе и мне, мы чокнулись. — Ну, что скажете? Не правда ли, недурно?

— Вино превосходно, ваше величество, но, с вашего разрешения, позволю себе заметить, что в Вене у покойного императора Карла Шестого пивал и получше. Вот бы и вашему величеству испробовать такого.

— Мой друг, я вам верю, но, право же, нет в мире «Токайского» лучше этого. Мне его поднёс венгерский вельможа, у которого была в запасе единственная бутылка этого редкого вина.

— Поверьте, ваше величество, вино вину рознь. Бьюсь об заклад, что через час я вам доставлю из императорского погреба бутылку «Токайского», которое будет неизмеримо лучше.

— Мой друг Мюнхгаузен, вы, право, бредите.

— Вовсе нет. Повторяю: ровно через час вы получите бутылку из императорского погреба. Отведав этого вина, вы не захотите смотреть на своё.

— Мюнхгаузен, Мюнхгаузен! Вы, кажется, хотите поднять меня на смех. Будьте осторожны — это не пройдёт вам даром. До сих пор я знал

вас как человека вполне правдивого, но то, что теперь слышу, заставляет меня переменить мнение о вас.

— Ваше величество! Я готов доказать на деле, что говорю сущую правду. Если же не сдержу обещания — вашему величеству известно, как я ненавижу всякую ложь и хвастовство, — прикажите отрубить мне голову, которая чего-нибудь да стоит, а потому позвольте узнать, что вы предложите взамен.

— Ловлю вас на слове. Если вы не сдержите слово и ровно в четыре часа не будет «Токайского», не ждите помилования: вам тотчас отрубят голову. Предупреждаю: даже самому лучшему другу я не позволю себя дурачить. Если же вы выиграете пари, получите из моего казначейства золота, серебра и драгоценностей столько, сколько может снести на себе самый сильный человек.

— Пусть будет так.

Я велел подать перо и чернила и написал императрице Марии Терезии записку:

«Ваше императорское величество! Без всякого сомнения, как единственная наследница вашего покойного отца, вы изволили унаследовать и винный погреб покойного императора. Разрешите мне испросить у вашего величества бутылку

«Токайского», которое я частенько пивал у вашего батюшки. Прошу дать моему посланному самого лучшего вина: речь идёт о пари. С заверениями в глубочайшем почтении Вашего императорского величества, барон Мюнхгаузен».

Было пять минут четвёртого. Записку я вручил моему скороходу, тот снял с ног гири и зашагал в Вену.

В ожидании «Токайского» мы с султаном допили начатую бутылку.

Пробило четверть четвёртого, половина, три четверти, а о скороходе не было ни слуху ни духу! Откровенно говоря, я уже не на шутку начал трусить. Мне всё казалось, что султан не без задней мысли поглядывает на звонок, а я хорошо понимал, что на сигнал не замедлит явиться палач.

Правда, султан разрешил мне выйти в сад подышать свежим воздухом, но за каждым моим шагом зорко следили двое слуг. Часы показывали уже без пяти минут четыре. Моё волнение всё более и более усиливалось, и я послал за стрелком и слугой, у которого был удивительно тонкий слух, — за моим «слушальщиком».

Они немедленно явились на мой зов. Тот, у которого был феноменальный слух, припал к земле. Послушав немного, он сказал, что скороход где-то

храпит, — наверно, по дороге прилёг и заснул. Его слова повергли меня в страшный ужас, я не знал, что делать. Но тут мой бравый стрелок взбежал на высокую террасу, стал на цыпочки, посмотрел вдаль и воскликнул:

— Клянусь спасением моей души! Лентяй спит под дубом у самого Белграда, а подле него бутылка. Постой-ка, я тебя разбужу.

Тотчас он зарядил своё ружьё и выстрелил в дуб. На скорохода посыпалась целая куча желудей, веток и листьев. Тот вскочил и зашагал ещё скорее, боясь опоздать. За полминуты до четырёх часов мой посланец стоял с бутылкой в руках и собственноручным письмом Марии Терезии в кабинете султана.

Моё торжество было безгранично. Сначала султан был как будто недоволен, что я выиграл пари, но скоро его настроение изменилось, и он сказал мне самым весёлым тоном:

— Надеюсь, Мюнхгаузен, вы не будете на меня в претензии, если я приберегу для себя эту бутылку. Вы в лучших отношениях с венским двором, чем я, и всегда сумеете раздобыть себе ещё.

Он спрятал бутылку в шкафчик, положил ключ в карман своих широких шаровар и позвонил, чтобы позвать казначея.

Какой прелестной музыкой показался мне серебристый звон колокольчика!

— Ничего не поделаешь: пари есть пари. Извольте тотчас выдать моему другу Мюнхгаузену, — обратился султан к вошедшему казначею, — столько золота и драгоценностей, сколько может унести на себе самый сильный человек.

Казначей поклонился своему повелителю до земли. Пожав ласково мне руку, султан милостиво отпустил нас обоих.

Я поспешил за казначеем, а по дороге позвал своего силача и велел идти следом.

Втроём мы пришли в казначейство. Нетрудно себе представить, что там осталось после нашего ухода.

Отправились мы в гавань. Детина нёс за мной громадный узел, в который он увязал всё, что было в казначействе. В гавани я нанял самый большой, какой там был, корабль и немедленно со всеми своими людьми и богатствами отплыл подобру-поздорову.

Случилось как раз то, чего я опасался: казначей побежал к султану, второпях забыв запереть дверь кладовой, в чём, впрочем, не представлялось теперь надобности, и рассказал, что мой силач опустошил всю кладовую.

Тогда султан очень раскаялся в своём безрассудном обещании и приказал адмиралу со всем флотом отправиться за мной в погоню и внушить мне, что я неверно понял условие нашего пари.

Мы отошли от гавани всего на две мили, как я увидел, что за нами на всех парусах гонится турецкий флот, и, по правде сказать, опять испугался за свою голову.

Тут подошёл ко мне мой слуга, который так искусно умел делать ветер, и сказал:

— Ваше сиятельство, не извольте беспокоиться!

Он немедленно встал на корму, повернул одну ноздрю к турецкому флоту, а другую — к нашим парусам и начал дуть изо всех сил. Поднялся страшный ветер, развеял турецкие корабли по морю и погнал в самом жалком виде обратно в гавань. А мы в несколько часов пришли в Италию.

Но я почти ничем не воспользовался из своих сокровищ. В Италии ужасная бедность и нищета, всюду на улицах масса нищих, а полиция ни за чем не смотрит. Следуя порывам своего доброго сердца, большую часть привезённых сокровищ я раздал нищим, а то, что осталось, у меня отня-

ли разбойники по дороге в Рим. Итак, золото и сокровища, которыми меня одарил султан, не принесли богатства.

Приключение седьмое

(Записано со слов одного из близких друзей барона Мюнхгаузена)

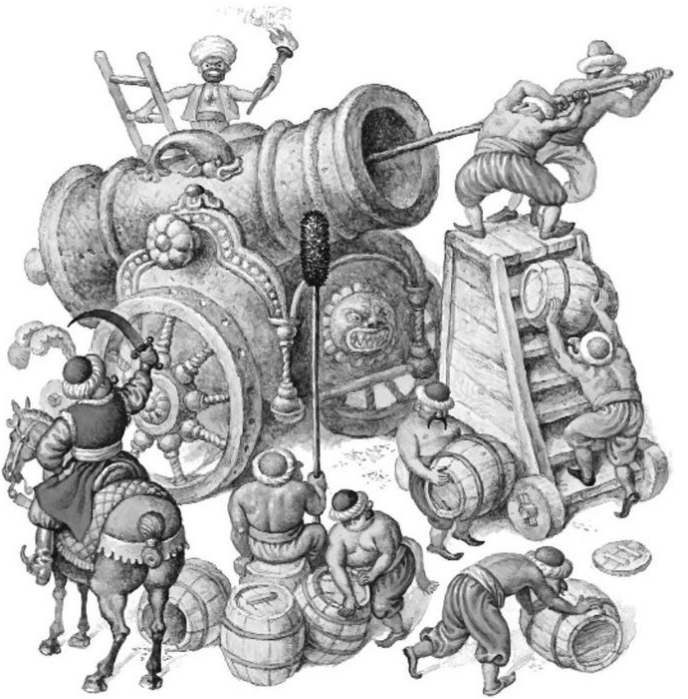
Окончив рассказ о приключении, которому была посвящена предыдущая глава, Мюнхгаузен ушёл, оставив общество в наилучшем настроении. Уходя, барон обещал при первом удобном случае рассказать о весьма интересных приключениях своего отца и несколько смешных анекдотов.

Все стали высказывать свои мнения по поводу последнего рассказа, который произвёл на слушателей сильное впечатление. Тогда один из присутствующих, приятель барона, побывавший с ним в Турции, вспомнил о виденной вблизи Константинополя пушке чудовищных размеров, которую подробно описал известный сочинитель барон Тотт[27] в своём только что вышедшем труде «Мировые достопримечательности». И рассказчик привёл на память выдержки из этой книги:

---

[27] Сноски: 27
Франц Тотт (1733–1797) — инженер, писатель, дипломат.

«На берегу исторической реки Симоиз, в крепости в окрестностях Константинополя, находится единственная по своим размерам в мире пушка, вылитая из меди. Снаряды к этой пушке — из мрамора, каждый весом в тысячу сто фунтов.

Чтобы составить себе верное понятие о раз-

рушительном действии этого орудия, я просил выстрелить из пушки при мне. Все пришли в ужас, опасаясь, что дома и дворцы обратятся в кучу развалин от сотрясения воздуха, которое произведёт выстрел. Понемногу их страх рассеялся, и они согласились на мою просьбу.

Пушку зарядили тремястами тридцатью фунтами пороху и мраморным ядром в тысячу сто фунтов. Когда канонир[28] подал зажжённый фитиль, все отпрянули как можно дальше. У канонира, которому я давал указания, как стрелять, сердце было не на месте.

Встав в амбразуре за пушкой, я скомандовал: «Пли!» Грянул выстрел, и точно содрогнулась земля. Меня отбросило к стене. Пролетев триста саженей, ядро разорвалось на три части. Его осколки по ту сторону пролива, в котором, несмотря на значительную ширину, закипела и покрылась сплошной пеной вода, ударились в противоположные горы».

Вот всё, что я помню из «Мировых достопримечательностей» барона Тотта о знаменитой пушке.

Когда мы с бароном Мюнхгаузеном были в той

---

[28] Сноски: 28

Канони́р — солдат артиллерии, пушкарь.

местности, нам рассказывали об изумительной храбрости Тотта.

Но вы же знаете нашего друга Мюнхгаузена: он и мысли не допускал, чтобы какой-нибудь француз мог затмить его своим подвигом. Подошёл он к пушке, взвалил её себе на плечи, установил в равновесии и, прыгнув в пролив, благополучно достиг противоположного берега.

К сожалению, пришло ему в голову бросить пушку с того берега на прежнее место. Я говорю «к сожалению», потому что пушка выскользнула у него из рук, прежде чем он размахнулся как следует. Пролетев половину пролива, она упала в воду, где лежит до сего дня и, вероятно, будет лежать до второго пришествия.

Этот случай с пушкой стал причиной окончательного разрыва барона Мюнхгаузена с султаном. Опустошение казначейства было давно забыто. Благодаря большим доходам в короткое время султан пополнил свою казну новыми сокровищами и собственноручным письмом пригласил к себе барона, который, вероятно, не уехал бы из Турции и теперь, если бы не погибла эта злополучная пушка. Эта потеря так разгневала свирепого властелина, что он приказал отрубить Мюнхгаузену голову. К счастью,

один из доброжелателей предупредил барона о грозящей опасности, и он бежал в ту же ночь на корабле, который развёл пары и каждую минуту был готов отплыть в Венецию, куда благополучно и прибыл.

Барон не любил рассказывать об этом эпизоде, во-первых, потому, что ему не удалось перебросить пушку через пролив, а во-вторых, потому что оказался на волосок от смерти. Но так как вся эта история не бросает тени на прославленное подвигами имя барона, я иногда в его отсутствие позволяю себе рассказывать этот очень любопытный эпизод из жизни барона в Турции.

Барон Мюнхгаузен продолжает свои рассказы

Понятно, что, как только барон вернулся, все окружили его и стали просить рассказать что-либо из его жизни, столь богатой такими интересными приключениями. Барон долго не уступал. Он обладал даром рассказывать весьма занимательно, но начинал повествование только тогда, когда на него находило вдохновение и никогда не отступал от своего обыкновения. Видя, что все попытки разговорить Мюнхгаузена напрасны, все стали понемногу расходиться.

Наконец наступил долгожданный вечер. По улыбке, игравшей на лице барона, все поняли, что он в хорошем настроении и не прочь что-нибудь рассказать.

Все смолкли и приготовились слушать с большим вниманием.

— Во время последней осады Гибралтара, — начал барон свой рассказ, — на одном из кораблей, подвозивших провиант, которым командовал

лорд Родней[29], я отплыл навестить моего старого друга генерала Эллиота[30], стяжавшего себе бессмертную славу при защите крепости.

Мы несказанно обрадовались друг другу. Когда первые восторги улеглись, генерал повёл меня показать крепость. Мы осмотрели форты и бастионы. Я познакомился с состоянием гарнизона и расположением неприятеля.

При мне был великолепный телескоп, который я купил в Лондоне у Оллонда. Рассматривая вражеские позиции, я вдруг увидел, что неприятель направил на то место, где мы стояли, тридцатишестифутовое орудие. Я сказал об этом генералу Эллиоту. Генерал в свою очередь посмотрел в телескоп и увидел то же, что и я. Тогда я попросил разрешения взять с ближайшей батареи сорокавосьмифунтовое орудие и навёл его (могу сказать не хвастаясь, что в артиллерийских познаниях у меня нет соперников) на то место, где стояла неприятельская пушка. И в тот момент, когда испанский канонир подносил зажжённый

---

[29] Сноски: 29

Или *Ро́дни* — британский адмирал, принимавший участие в осаде Гибралтара.

[30] Сноски: 30

Джордж Э́ллиот — генерал-губернатор американской колонии, участник осады Гибралтара — военного конфликта в период Войны за независимость США (1775–1783).

фитиль, я скомандовал нашим «пли». В один и тот же момент раздалось два выстрела, и на полпути снаряды столкнулись. То, что произошло дальше, изумило всех. Неприятельское тридцатишестифунтовое ядро было отброшено нашим сорокавосьмифунтовым со страшной силой назад в Африку, оторвало голову канониру и шестнадцати артиллеристам, разбило в щепки мачты трёх кораблей, стоявших один за другим, пролетело ещё двести английских миль и, наконец, в какой-то деревушке ударило в крышу бедненькой избёнки, выбив старушке, спавшей на спине и сладко похрапывавшей, последние два зуба и застряв в горле. Вскоре после того вернувшийся домой муж старушки, как ни старался, вытащить застрявшее ядро не смог. Тогда он протолкнул ядро в желудок, где оно оставалось на протяжении ряда лет, причиняя бедной женщине тяжелейшие расстройства желудка.

Наш снаряд, оттолкнув неприятельский, полетел дальше, сбил с лафета пушку, из которой выстрелили по нас, и с такой силой отбросил её на киль испанского корабля, что пробило дно. Корабль дал течь и через несколько минут пошёл ко дну с тысячным экипажем и большим количеством солдат.

Без сомнения, это был необычайный подвиг. Но я далёк от мысли приписывать его только себе. Конечно, честь выдумки принадлежала только мне, но немало помог и счастливый случай. Впоследствии выяснилось, что в наше сорокавосьмифунтовое орудие положили по нечаянности двойной заряд пороха, чему и надо приписать силу удара нашего ядра, которое так удачно отразило неприятельское.

За оказанную услугу генерал Эллиот предложил мне поступить строевым офицером в его гарнизон, но я отклонил это предложение и удовольствовался тем, что генерал в присутствии всех офицеров в тот же вечер за обедом поблагодарил меня в самых лестных выражениях.

Питая безграничную симпатию к англичанам, как к самому храброму в мире народу, я решил не покидать крепости до тех пор, пока не окажу им ещё какую-либо услугу. Недели через три представился подходящий случай снова быть полезным англичанам.

Я надел форму испанского солдата и в глубокую полночь вышел из крепости и никем не замеченный, пробрался мимо неприятельских часовых. Очутившись в испанском лагере, я подкрался к палатке, в которой проходил военный совет

относительно штурма крепости на следующий день, и расслышал до мельчайших подробностей всё, что обсуждал граф Д'Артуа[31] со своим штабом. Когда совет окончился, граф и офицеры пошли спать, а вскоре и весь лагерь, не исключая часовых, погрузился в глубокий сон.

Убедившись, что все спят, я тотчас принялся за работу. Всего орудий в неприятельском лагере было более трёхсот: и сорокавосьми-, и двадцатичетырёхфунтовых. Каждое я поспешно снимал с лафета[32] и бросал в море на три мили от берега.

Я трудился один, и, должен сказать, это была самая трудная работа в моей жизни. Побросав пушки в море, я стащил в одну кучу на середину лагеря лафеты и тележки с зарядными ящиками, стараясь производить как можно меньше шума, чтобы не разбудить неприятеля. Каждый раз я притаскивал по паре лафетов или тележек под мышкой.

Выросла большая гора, не ниже скалы, на которой стоит Гибралтар.

Затем я отломал от сорокавосьмифунтового

---

[31] Сноски: 31

Будущий французский король Карл X.

[32] Сноски: 32

Лафе́т — станок, на котором устанавливается и закрепляется ствол артиллерийского орудия.

орудия кусок стали и ударил им по кремню, торчавшему на двадцать футов под землёй в стене, уцелевшей от старинной постройки времён арабского владычества. От удара произошла большая искра и зажгла всю груду. Да, чуть не забыл: в общую кучу я перетащил также все повозки с провиантом.

Всё, что могло скорее загореться, я предусмотрительно положил под низ, и вот, когда искра коснулась кучи, в одну минуту запылал огонь.

Чтобы отвлечь от себя подозрения, я первый поднял тревогу. Легко себе представить ужас и смятение, которые охватили весь лагерь. Когда прошла паника, все решили, что часовые были подкуплены неприятелем и пропустили семь или восемь английских полков, которые и уничтожили всю артиллерию.

Господин Дринкуотер в своей истории знаменитой осады Гибралтара говорит о больших потерях, понесённых испанцами от столь неожиданно произошедшего в их лагере пожара. Правды же он знать не мог, так как никому, даже генералу Эллиоту, я не рассказал о своём подвиге (хотя Гибралтар был спасён только благодаря этому пожару).

Граф Д'Артуа со всеми приближёнными в па-

нике покинул лагерь. В страхе они бежали без отдыха четырнадцать дней и четырнадцать ночей вплоть до самого Парижа. Их ужас был так велик, что они три месяца не могли ничего есть и питались одним воздухом.

Спустя два месяца, когда осада Гибралтара была снята, я завтракал с генералом Эллиотом. Мы беспечно болтали. Вдруг в нашу комнату сверх всякого ожидания влетела бомба (уничтожив неприятельские пушки, я за неимением времени оставил мортиры[33] невредимыми) и упала на стол. Генерал вскочил, что сделал бы почти каждый на его месте, и немедленно покинул помещение.

Я же, прежде чем бомба успела разорваться, схватил её и быстро отнёс на вершину утёса, откуда увидел, что на противоположном — неприятельском — берегу, недалеко от лагеря, на холмике собралась большая толпа. Что там происходило, я не мог видеть с такого расстояния, и только в телескоп рассмотрел. Испанские солдаты устроили виселицу, на которую собирались вздёрнуть двух наших офицеров — генерала и

[33] Сноски: 33

Мортира — короткоствольная пушка для навесной стрельбы, предназначавшаяся для разрушения особо прочных оборонительных сооружений.

полковника, с которыми накануне мы провели вечер в крепости. Ночью они пробрались в неприятельский лагерь, но попались в руки испанцам, а теперь должны были заплатить жизнью за свой риск.

От скалы, на которой я стоял, добросить руками бомбу до того места, где соорудили виселицу, не представлялось возможным. Тут, по счастью, вспомнилось, что у меня в кармане праща, та самая, которой некогда Давид убил Голиафа[34].

Я положил бомбу в пращу и бросил в толпу на

[34] Сноски: 34

Давúд и *Голиáф* — персонажи библейской истории из Ветхого Завета, согласно которой Давид, имея при себе единственное оружие — пращу, одержал победу в поединке с Голиафом.

холме. Вмиг снаряд перелетел на неприятельский берег, ударился в землю и разорвался. Осколками поубивало всех испанцев, но в английских офицеров, которые, к счастью, болтались высоко над землёй на верёвках, ни один не попал. И лишь единственный осколок ударил в виселицу и повалил её. Наши офицеры очутились на земле, не в силах поверить такому удивительному событию. Они тотчас повынимали друг друга из петель и пустились бежать к берегу, где находились лодки. Вскочив в одну из них, они приказали сидевшим там испанцам править к нашему берегу.

Спустя несколько минут, когда я рассказывал генералу Эллиоту о случившемся, вошли чудом спасшиеся офицеры. Последовали поздравления, рассказы об избавлении от верной смерти. Этот достопримечательный день мы отпраздновали с подобающим торжеством.

Наверно, читатель сгорает от любопытства узнать, как ко мне попала этакая драгоценность — праща Давида. Должен сказать, что эта историческая реликвия хранится в нашем роду много веков. Переходя из поколения в поколение, она досталась моему отцу, а от него, незадолго до моего путешествия в Гибралтар, перешла ко мне.

Отец как-то рассказал мне одну очень интересную историю, которую не раз слышали от него друзья. В правдивости этой истории никто из наших знакомых никогда не сомневался.

«Во время моих заграничных поездок, — начинал отец свой рассказ, — я подолгу жил в Англии, и вот однажды пошёл погулять на морской берег. Вдруг неожиданно из воды выскочил морж, или, иначе, морской конь, и бросился на меня. Со мной ничего не было, кроме пращи. Я вложил в неё камешек и, бросив, попал моржу прямо в глаз. Затем — другой, и снова бросил в чудовище. И этот камешек достиг цели: морж ослеп на оба глаза,

смирился и стал ручным. Тогда я вскочил на него верхом и поскакал по воде, взнуздав пращой, и мой конь летел как ветер: менее чем за три часа мы пересекли океан, сделав около тридцати морских миль.

В Гельвецлунсе я продал своего коня за семьсот дукатов хозяину гостиницы «Три бокала», который стал показывать чудовище за деньги и скоро разбогател. Рисунок этого моржа можно найти в «Естественной истории» Бюффона.

Как ни удивителен способ, — продолжал отец, — моего путешествия, он ничего не значит по сравнению с теми удивительными открытиями, которые я сделал по пути.

Мой конь не плыл, а невероятно быстро бежал по дну моря. То и дело я встречал миллионы рыб, совершенно не похожих на тех, которых мы привыкли видеть: у одних голова была в середине туловища, у других — на конце хвоста. Некоторые собирались стаями и чудно пели. Другие строили дивной красоты дворцы из воды с колоссальными колоннами. Дворцы эти были совершенно прозрачны и переливались разноцветными огнями внутри.

Далее по дороге попалась мне громадная цепь гор не ниже Альп, на склонах которых вздыма-

лись к небесам самые разнообразные деревья. А росли на них вместо плодов огромные морские животные: омары, раки, устрицы. Наиболее крупное из них вряд ли поместилось бы в фуре, в которой возят хлеб, а самое маленькое не поднять и сильному мужчине. Всё, что обыкновенно в этом роде выбрасывается на берег, собирается и продаётся на рынках, — это лишь мельчайшие из морских животных, которых вода срывает с веток подобно тому, как ветер сбивает с плодовых деревьев испорченные или незрелые плоды.

Более всего плодов было на омаровых деревьях, в то время как раковые и устричные поражали своими необыкновенно большими размерами. Под роскошной развесистой листвой устричных деревьев произрастал невысокий кустарник и, точно плющ, обвивался вокруг приютивших его великанов. Вместо листьев кусты покрывали маленькие морские улитки.

Меня так и тянуло сорвать что-нибудь с дерева и увезти с собой, но, к сожалению, все животные были непомерно тяжелы, а главное, не удавалось остановить моего Пегаса. Кроме того, я скакал в это время по долине, находившейся на пятьсот саженей ниже уровня моря, где особенно сильно чувствовался недостаток воздуха.

На пути было немало опасностей. Часто навстречу попадались громадные рыбы. Широко раскрыв пасть, то одна, то другая подходили ко мне близко и, казалось, ждали удобного момента, чтобы проглотить вместе с конём. Мой бедный Россинант был слеп. Только благодаря моей ловкости я не сделался добычей этих голодных морских чудовищ. Скоро мне удалось благополучно выбраться на берег».

Здесь рассказ моего отца кончается. Надо прибавить, что знаменитая праща, так живо напомнившая мне эту историю, за последнее время сильно износилась. Долго она хранилась в нашем роду и не раз выручала из беды. Лично мне пришлось к ней прибегнуть только при обстоятельствах, о которых я упомянул выше, когда мне удалось так удачно бросить бомбу в испанцев и спасти наших офицеров от виселицы. Вот именно в этот-то раз праща, износившаяся раньше, и разорвалась. Один кусок её, подлиннее, был унесён бомбой, а другой, маленький, остался у меня в руках. Его я отвёз домой, чтобы сохранить на вечные времена как редкость с другими важными древностями. Затем я уехал из Гибралтара в Англию, где со мной случился самый замечательный в моей жизни эпизод.

Я заехал в гавань, чтобы отправить кое-что в Гамбург в подарок моим друзьям, а возвращался мимо корабельной верфи. Был полдень. Солнце палило немилосердно. Очень уставший, я хотел отдохнуть в тени, и недолго думая влез в первую попавшуюся пушку, где и заснул крепчайшим сном.

Это было 4 июня, день рождения короля. Пушка стояла заряженной, так как было приказано ровно в час дать залп. Конечно, никому не могло прийти в голову, что в пушку забрался человек. Когда пришло время, дали залп. Я перелетел через Темзу и упал на стог сена во дворе какой-то фермы, так и не проснувшись.

Месяца через три сено подорожало, и в погоне за барышами фермер решил всё распродать. Стали накладывать на возы и тот стог, где я спал.

Поднялся страшный шум, крик, перебранка, и я проснулся. Сам не могу понять, где я, да и только. Тут как-то скатился я со стога и угодил прямо на хозяина, так что сломал ему шею. Бедняга умер на месте.

Сначала это несчастье меня огорчило, но после я узнал, что это был очень дурной человек. Большой барышник, он старался купить всё подешевле, а продать как можно дороже. Обыкно-

венно он возил на базар и сено, и хлеб, и всё, что можно, — лишь бы спрос был. Другие разорялись, а он наживался. Таким образом, его случайная смерть была справедливой карой судьбы и истинным благодеянием для односельчан.

Когда пришёл в себя, долго не мог понять, как сюда попал и что вокруг делается, и только после длительных и трудных размышлений мне удалось связать свои настоящие мысли с теми, что были у меня, когда я заснул три месяца тому назад. Всё это время друзья не переставали искать меня по всему Лондону и были очень удивлены и обрадованы, когда узнали, что я здоров и невредим.

Приключение восьмое

Без сомнения, читатели слышали об известном путешественнике в северные полярные страны капитане Фиппсе, теперь лорде Мульгрэве.

Я сопровождал капитана в качестве его друга и большого любителя путешествий.

Мы были недалеко от Северного полюса. Телескоп, столь хорошо известный читателю из моих рассказов, по обыкновению, был со мной. Перед нами расстилалась всё та же унылая картина: море и бесконечные льды, — и я стал смотреть в телескоп, который советую всегда всем брать с собой в путешествия.

Моему взору предстала огромная ледяная гора, вдвое выше наших мачт, на полмили от нашего корабля, на которой стояли на задних лапах друг против друга два медведя и, как мне казалось, дрались.

Я надумал их подстрелить и, закинув за спину ружьё, отправился на гору. Путь был очень труден и опасен: то и дело приходилось то прыгать через глубокие пропасти, то подниматься по гладким, как зеркало, скалам. Я поминутно падал, скатывался назад; так что прошло немало

времени, прежде чем взобрался на гору. Только теперь я увидел, что медведи не дрались, а играючи боролись. Звери оказались огромными, не меньше хороших откормленных быков.

«Недёшево будут стоить такие чудные шубы», — подумал я и прицелился, но в ту минуту, как собирался спустить курок, поскользнулся и упал навзничь да так сильно ударился, что моментально лишился сознания, должно быть, на добрых полчаса.

Очнувшись и поняв, что лежу на животе под медведем, я чуть не умер от страха. Во время моего беспамятства медведь, видно, перевернул меня на живот и, схватив за кожаный пояс, собрался куда-то тащить. Мои голова и грудь были под брюхом медведя, а ноги торчали наружу. Вынув осторожно из кармана охотничий нож, я отхватил три пальца на левой задней лапе зверя. Мишка заревел от боли, бросил меня и побежал со всех ног. Я вскочил, схватил ружьё, послал пулю в медведя и положил его на месте.

Но тут меня ждала другая беда. От моего выстрела проснулись остальные медведи, которые спали здесь же, на горе. Отовсюду на меня лезли косолапые, каждая минута была дорога. Не осени меня счастливая мысль, я погиб бы неминуемо.

Я живо снял с убитого зверя шкуру — это заняло у меня даже меньше времени, чем если бы это был заяц, — и влез в неё. Едва успел, как меня обступили мишки. Не могу сказать, что чувствовал себя хорошо в своей шубе: меня бросало то в жар, то в холод.

То тот, то другой Потапыч подходил и обнюхивал меня: очевидно, принимали за собрата. Правда, я был гораздо меньше их, хотя некоторые медвежата были ростом как раз с меня. Потом они стали заигрывать со мной. Я хорошо знал их повадки и во всём отлично им подражал, только, должен сознаться, ворчали и ревели мишки всё громче.

Заручившись их доверием, я стал раздумывать, что делать дальше.

Я слышал когда-то от одного старого опытного фельдшера, что ранение в позвоночник может привести к моментальной смерти. Что мне оставалось? И я решил взяться за нож.

Выждав удобный момент, я всадил нож самому большому медведю в спину между лопатками. Конечно, я очень рисковал: стоило промахнуться слегка и не положить зверя на месте, он разорвал бы меня в клочья.

Медведь, даже не пикнув, тут же повалился

на землю.

Удача придала мне смелости. Я бил их ножом направо и налево. Они так и падали, а живые не обращали на это никакого внимания.

Вся гора была усеяна мёртвыми медведями. Невольно я сравнил себя с Самсоном, убившим одной челюстью тысячи филистимлян.

Вернувшись на корабль, я попросил капитана дать мне три четверти экипажа. Мы поднялись на гору, сняли с медведей шкуры и отрезали окорока, на что ушло несколько часов. Добычу мы затем перенесли на судно, а остальное бросили в море, хотя я уверен, что медвежье мясо, хорошо посоленное, не хуже окороков.

По возвращении в Англию я, от имени капитана Фиппса, послал окорока лорд-мэру и другим лордам, а также торговым обществам. Остальные достались моим лучшим друзьям.

Все меня очень благодарили, а лондонский магистрат, кроме того, почтил приглашением участвовать в торжественном обеде, который устраивается ежегодно в ратуше в день выборов лорд-мэра.

Все медвежьи шкуры я преподнёс императрице одного из северных государств на шубы её величеству и чинам высочайшего двора, за что был

отблагодарён её собственноручным письмом, которое мне доставил чрезвычайный посол. В этом письме императрица предлагала мне честь разделить с ней трон, но так как меня нисколько не соблазнял императорский сан, я в самых изысканных выражениях отклонил эту милость.

Одно время ходили лживые слухи, будто капитан Фиппс недостаточно близко подошёл к Северному полюсу, как это предписывалось. Считаю своим нравственным долгом сказать несколько слов в защиту капитана. Наш корабль шёл по верному курсу, но когда мы погрузили на судно шкуры и окорока убитых мною медведей, идти дальше к северу с таким тяжёлым грузом капитану не только не представлялось возможным, но казалось просто безумием, так как мы едва-едва продвигались на парусах против ничтожного свежего ветра, нагнавшего массу льда, который обыкновенно заграждает путь в этих широтах, близких к полюсу.

Капитан Фиппс был очень недоволен, что я не пригласил его на охоту и что вся честь достопамятного дня, который он, к слову сказать, назвал днём медвежьих шкур, принадлежала мне одному.

Он немало завидовал моей славе и всячески старался её умалить. Мы часто ссорились, да и теперь у нас с ним отношения не наладились.

Так, например, он утверждает, что я совершенно неправильно ставлю себе в заслугу то, что мне удалось обмануть медведей. Он уверяет, что ему не нужно было бы наряжаться в медвежью

шкуру, так как косолапые и без этого приняли бы его за своего.

Конечно, ни один воспитанный человек не станет спорить о таком щекотливом вопросе с кем бы то ни было, а особенно с благородным пэром.

Приключение девятое

Из Англии я в другой раз с капитаном Гамильтоном отправился в Ост-Индию.

В то время у меня была замечательная легавая, обладавшая редким чутьём. Ни за какие деньги я не расстался бы с ней.

Однажды, сделав самые точные наблюдения и измерения, мы определили, что находимся от твёрдой земли по крайней мере в трёхстах милях, и тут я заметил, что моя собака пришла в сильное беспокойство. Сначала я не придал этому значения, но прошёл час, а собака никак не успокаивалась. Я обратил на это внимание капитана и офицеров, уверяя, что берег близко, так как моя легавая чует дичь.

Меня подняли на смех, но я стоял на своём и по-прежнему доказывал, что чутьё моей собаки не может обмануть.

Все стали спорить и доказывать противное. Выждав удобную минуту, я торжественно заявил, что чутью моего Трея я доверяю больше, чем своим глазам и глазам всего экипажа, и предложил

капитану пари на сто гиней[35] (всё, что у меня было), что через полчаса мы найдём дичь.

Добродушный капитан рассмеялся и попросил доктора посчитать мой пульс.

Доктор нашёл, что я совершенно здоров.

Затем они заговорили вполголоса, но я почти всё слышал.

— У него не всё в порядке с головой, — сказал капитан. — Нечестно принять это пари.

— Я с вами не согласен, — возразил доктор. — Он абсолютно здоров, только доверяет чутью своей собаки больше, чем опыту всех наших офицеров. Конечно, пари он проиграет. Его нужно наказать, он вполне этого заслуживает.

— И всё же я не могу принять такое пари, — упорствовал капитан. — Я сделаю так, как вы говорите, но деньги, когда выиграю, возвращу ему.

---

[35] Сноски: 35

Гине́я — английская, затем британская золотая монета, имевшая хождение с 1663 по 1813 год.

Трей не сходил с места, и по нему было видно, что где-то поблизости чует дичь. Тогда я ещё раз предложил пари, и мы ударили по рукам.

Не прошло и нескольких минут, как мы увидели, что матросы, которые ловили рыбу с большой

лодки, вытащили громадную акулу.

Распороли рыбе живот, и что? Там оказались двенадцать живых куропаток. Бедняжки так долго сидели в акульей утробе, что одна из них снесла яйца и даже высидела птенца.

Этого цыплёнка мы отдали на попечение кошке, только что окотившейся, и та полюбила нового детёныша не меньше своих котят и всегда страшно беспокоилась, когда старая куропатка улетала и долго не возвращалась. Во время путешествия за капитанским столом не переводилась дичь: то одна куропатка, то другая сидела на яйцах и высиживала цыплят.

Мой верный Трей, выигравший мне пари в сто гиней, каждый день лакомился костями, а иногда получал и целую птицу.

Приключение десятое

Моё второе путешествие на Луну

Я как-то уже рассказывал о своём путешествии на Луну, куда отправлялся, как, наверно, помнит читатель, на поиски топорика. Случилось мне попасть на Луну и второй раз. На этот раз я путешествовал с большим комфортом. Пробыл я там довольно долго и многое успел изучить, о чём постараюсь, насколько позволяет память, рассказать с самыми мельчайшими подробностями.

Один мой дальний родственник взял себе в голову, что где-то непременно должны жить люди, ростом и видом похожие на тех, которых встретил в своём известном путешествии Гулливер[36].

Вот для открытия этой новой страны мой родственник решил предпринять путешествие и пригласил меня с собой.

Хотя рассказы Гулливера всегда казались мне сказкой, я всё же посчитал неудобным отказаться от приглашения, поскольку родственник сделал

---

[36] Сноски: 36
Главный герой романа Джонатана Свифта «Путешествия Гулливера».

меня своим наследником.

До Тихого океана наше плавание проходило вполне благополучно. Если и стоит о чём-нибудь упомянуть из увиденного на этом отрезке пути, то только о летающих рыбах, которые то танцевали в воздухе менуэт, то кружились в вальсе, то выкидывали разные замысловатые пируэты.

На восемнадцатый день пути близ острова Таити внезапно налетел ураган и поднял наш корабль в воздух на высоту почти в тысячу миль, где и застыл на некоторое время неподвижно. Затем свежий ветер надул паруса и погнал нас со страшной скоростью.

Шесть недель мы летели выше облаков, и в конце концов увидели большой остров, от которого шёл какой-то мерцающий свет. Мы вошли в удобную гавань, бросили якорь и сошли на берег. Внизу под нами простирались города, леса, горы, реки, моря. Вероятно, это была покинутая нами Земля.

Остров, к которому мы пристали, оказался Луной. Здесь мы увидели каких-то громадных существ, разъезжавших верхом на грифах о трёх головах. Птицы эти были так велики, что расстояние между крыльями казалось раз в шесть больше самого длинного каната нашего корабля.

Когда мы попали на Луну, тамошний король воевал с Солнцем и предложил мне поступить в его армию, но я отказался от этой чести.

Всё на Луне поражало нас своими колоссальными размерами — так например, комнатная муха была величиной с нашу овцу. Редька — самое любимое оружие обитателей Луны: из неё делают дротики, которыми дерутся на войне. Раненные редькой умирают мгновенно. Щиты воинам делают из гигантских грибов. Когда сезон редьки проходит, дерутся стеблями спаржи.

Как-то я встретил здесь жителей созвездия Пса, этих известных торгашей. С Луной они ведут обширную торговлю. Лица их похожи на морды бульдогов: глаза без век расположены по обеим сторонам кончика носа или, точнее сказать, под ноздрями. Ложась спать, они закрывают их языком. Ростом они не меньше двадцати футов.

Жители Луны и вовсе не ниже тридцати шести футов. Хорошо знакомые с употреблением огня, они приготовляют на нём пищу, как и мы. Называют они себя немного странно: не людьми, а пищеварами.

Впрочем, на еду они тратят очень мало времени. Почувствовав голод, они открывают небольшие дверцы, расположенные на левой стороне

желудка, и кладут туда сразу весь обед, после чего снова закрывают. Едят они раз в месяц, то есть не больше двенадцати раз в год. Я думаю, кроме обжор и гастрономов, любой из нас позавидует этой умеренности в пище.

Обитатели Луны не умирают, а, состарившись, растворяются в воздухе и исчезают, как пар.

На каждой руке у них по одному пальцу. Им они делают всё, что угодно, и притом гораздо лучше нас, с пятью пальцами.

Голова у них находится под правой мышкой. Когда они собираются в дорогу или на работу, сопряжённую с сильным движением рук, то обыкновенно оставляют голову дома, что не мешает в случае нужды обращаться к ней за советом, не стесняясь расстоянием.

Когда здешние аристократы пожелают узнать, что делает и как живёт чернь, им не надо идти в народ. Они спокойно остаются дома, а посылают одну голову. Совершенно инкогнито голова ходит повсюду, слушает, собирает справки и по первому требованию возвращается к своему хозяину.

Виноградные зёрнышки на Луне как две капли воды похожи на наш град. Я уверен, что, когда на Луне поднимается ветер и сбивает виноград, зёрнышки скатываются на Землю и образуют

там град.

Я думаю, что об этих зёрнышках давно знают виноторговцы. По крайней мере, мне не раз случалось покупать вино, которое и вкусом, и видом походило на то, что я пил на Луне, и скорее было приготовлено из градинок, чем из виноградных лоз.

Я чуть было не забыл ещё об одной замечательной подробности. Обитатели Луны пользуются своим животом как чемоданом, куда прячут всё, а отпирают и запирают по желанию. Ни кишок, ни печени, ни сердца, ни других внутренностей у них нет.

Свои глаза они могут вынимать и снова вставлять, причём видят одинаково хорошо вне зависимости остаётся ли глаз на своём месте или зажат в руке. При потере глаза они покупают новый, который ничуть не хуже собственного. На Луне повсюду торгуют глазами. Благодаря моде и чрезвычайному разнообразию вкусов эта торговля самая прибыльная, поскольку спрос на карие, зелёные, голубые, серые глаза никогда не прекращается.

Охотно верю, что всё это может показаться странным, но я предлагаю всякому, кто хоть немного сомневается в правдивости моих рас-

сказов, самому отправиться на Луну и убедиться, что я в своих описаниях придерживаюсь лишь истины.

Путешествие сквозь центр земного шара и другие замечательные приключения

Путешествие Брайдина в Сицилию, так интересно написанное, породило во мне желание увидеть гору Этну.

По дороге туда я не встретил ничего интересного. Другой на моём месте, наверно, нашёл бы много удивительного. Мне же всё, что попадалось на пути, казалось такими пустяками, что я об этом и говорить не хочу.

Переночевав в какой-то избушке у подножия Этны, наутро я начал подниматься на гору. Во что бы то ни стало, хотя бы ценой жизни, я решил изучить внутреннее строение этого знаменитого вулкана.

Восхождение было очень трудным и длилось три часа. Всё время не переставал звучать страшный подземный гул, начавшийся три недели назад.

Оживший вулкан был описан не раз, но все эти описания дают очень слабое понятие о том, что происходит в действительности, а потому я

не стану на это терять время и прямо перейду к тому, что со мной случилось.

Обойдя кратер три раза, я нашёл, что он похож на обыкновенную воронку, только огромную, и хорошо понимал, что, сколько бы ни ходил вокруг да около, ничего больше не узнаю. Тогда без лишних размышлений я прыгнул внутрь и очутился в очень горячей паровой ванне. Вокруг

меня летали красные раскалённые уголья и немилосердно жгли со всех сторон.

Очевидно, сила, выбрасывающая угли, не могла выбросить вместе с ними и меня, и я падал всё ниже и ниже, пока не очутился на дне вулкана.

Здесь меня тотчас оглушил неописуемый шум, гам и грохот.

Открыв глаза, я увидел перед собой Вулкана[37] и циклопов[38]. Господа эти, в существование которых я давно перестал верить, живут себе как ни в чём не бывало, только в последнее время возникли между ними страшные раздоры по поводу того, кто достоин быть более приближённым к Вулкану. Это-то и служило причиной страшного гула, который три недели был слышен на Этне и на поверхности земли.

Моё появление тотчас вызвало мир и тишину.

Сильно прихрамывая, Вулкан заковылял к шкафчику, достал пластырь и какую-то мазь и собственноручно залепил мои ожоги. Всё моментально зажило. Затем принесли разные блюда,

---

[37] Сноски: 37

Вулка́н — бог огня в Древнем Риме, соответствующий Гефесту в греческой мифологии.

[38] Сноски: 38

Цикло́пы — в древнегреческой мифологии одноглазые великаны, дети Урана и Геи.

бутылку нектара и несколько бутылок дорогих вин, которые когда-то пили одни боги и богини. Как только я подкрепился, Вулкан подробно познакомил меня со строением Этны.

От него я узнал, что гора состоит из одной золы, которую с незапамятных времён выбрасывают в одно место из его кузнечного горна. Ещё Вулкан мне рассказал, что в гневе на циклопов, желая их наказать, он бросает в них красные раскалённые угольев, а те, в свою очередь, ловко отбрасывают на поверхность земли, чтобы лишить Вулкана возможности воспользоваться этими угольями в другой раз.

— Наши раздоры, — продолжал Вулкан, — иногда длятся целые месяцы. Тогда из кратера показываются огонь, искры, камни, лава. Вы, люди, называете, как мне известно, все эти явления извержениями. Везувий также одна из моих мастерских. Туда ведёт особый подземный ход на глубине по крайней мере трёхсот пятидесяти миль под морским дном. Раздоры, случающиеся в той мастерской, люди также называют извержениями.

В недрах земли я пробыл несколько дней, без устали изучая занятия и необыкновенный образ жизни Вулкана и циклопов, и понемногу стал

привыкать к страшному жару. Вулкан ко мне относился милостиво и принимал по-царски, и это его внимание вызвало вражду и зависть придворных. Все старались очернить и оклеветать меня в его глазах. Сначала им это не удавалось, но затем Вулкан всё же поверил клеветникам.

Без всякого повода с моей стороны Вулкан ко мне переменился и за что-то рассердился. Однажды, не говоря ни слова и не желая слушать, Вулкан схватил меня за руку и куда-то потащил. Подняв меня, как казалось, над каким-то бездонным колодцем, зиявшим в полу, он вне себя от гнева проговорил:

— Иди, неблагодарный смертный, в мир, откуда пришёл!

С этими словами он выпустил мою руку, и я полетел в бездну. Скорость была ужасающей. У меня захватило дух, и наконец я лишился сознания. Сколько времени летел, не помню, а в себя пришёл, очутившись в большом озере. Вода освежила и привела в чувство. Был ясный солнечный день.

С юных лет я был отличным пловцом, и неудивительно, что почувствовал себя как дома: пребывание в озере показалось мне раем, особенно в сравнении с тем, что пережил.

Вокруг, кроме воды, ничего не было, и климат местности, в которой я очутился, показался мне довольно холодным в сравнении с адской жарой подземного царства. Вдруг на горизонте показалась какая-то громадная скала, медленно двигавшаяся в мою сторону. Это была плавучая ледяная гора. Я поплыл к ней, выбрал удобное место и взобрался на вершину, но, к величайшему моему отчаянию, и оттуда не было видно твёрдой земли.

Наконец, когда уже смеркалось, показался корабль: курс держал он на ледяную гору, на вершине которой я стоял, — и как только подошёл ближе, я закричал изо всех сил. Мне ответили по-голландски. Я прыгнул в море и поплыл к кораблю.

Оказавшись на борту, я узнал, что мы в Тихом океане. И тогда всё стало понятно: упав на Этне в кратер, я провалился сквозь центр земного шара в Тихий океан. Могу сказать, что эта дорога гораздо короче той, что идёт вокруг света. Я первый проделал это путешествие, и если придётся когда-либо повторить его, то займусь более тщательными наблюдениями.

Подкрепившись, я лёг спать. Что за невежи эти голландцы! Просто и чистосердечно, так же как

только что описал, я всё рассказал офицерам. И всё-таки нашлись такие господа, и особенно капитан, которые, как видно было по выражению их лиц, мне не верили. Впрочем, к чему об этом говорить. Голландцы взяли меня на свой корабль из милости. Поневоле приходилось терпеть: делать вид, что не замечаешь обиды.

Куда же, однако, мы плыли?

Голландцы сообщили, что цель их путешествия — новые открытия, и если мой рассказ правдив, то они вполне достигли цели.

Мы шли по славному пути капитана Кука[39], и утром прибыли в Ботани-Бей, куда англичане ссылают своих преступников. Место это так богато, природа так щедро рассыпала здесь свои дары, что Англии следовало бы устраивать здесь не тюрьмы, а колонии, куда и посылать достойных людей в виде награды.

Мы пробыли здесь три дня, а на четвёртый, уже после нашего ухода из Ботани-Бей, разразился страшный шторм. Корабль сильно потрепало: все паруса были разорваны, мачты повалены и сломаны, причём одна упала на ящичек, где

---

[39] Сноски: 39

Джеймс Кук (1728–1779) — британский путешественник-исследователь, картограф, военный моряк, осуществивший три кругосветных путешествия и совершивший ряд географических открытий.

лежал компас, и разбила его вдребезги.

Всякий, кто путешествовал по морю, хорошо понимает, что значит потерять компас: без него плавание может закончиться катастрофой.

Наконец шквал пролетел, свежий попутный ветер надул наши паруса, и три месяца мы плыли без остановки. Прошли за это время немало. Вдруг с нами начало происходить что-то странное, чего мы никак не могли себе объяснить: дышалось легко, чувствовалась какая-то особенная бодрость и подъём духа. Отовсюду доносилось чрезвычайно приятное благоухание, и даже море переменило свой цвет: из зелёного стало белым.

Тут скоро показалась и твёрдая земля. Мы увидели очень удобную бухту и вошли в неё, но вместо воды там оказалось… молоко, причём очень вкусное.

Мы вышли на берег. Весь остров был не что иное, как огромных размеров сыр. Никогда бы нам не пришло это в голову, если бы не случай.

Был у нас матросик, который питал к сыру какое-то странное, непреодолимое физическое отвращение. На берегу его стало тошнить, и он скоро лишился сознания, а придя в себя, стал умолять, чтобы убрали сыр. Осмотревшись внимательно кругом, мы тут-то всё и поняли.

Островитяне питались только сыром, причём то, что съедалось днём, пополнялось ночью. Всюду на острове рос виноград, но когда его выжимали, текло молоко, а не сок.

Островитяне отличались высоким ростом, больше сажени, и красотой и ходили как люди, несмотря на то что у них три ноги, хотя рука одна. А когда приходят в зрелый возраст, у них вырастает на лбу рог, которым они очень искусно пользуются. Островитяне гуляют, бегают по поверхности своей молочной гавани так же легко, как мы по земле или лугу.

На этом острове-сыре произрастала рожь с колосьями в виде громадного мясистого гриба, где лежали печёные хлебы, которые можно было брать и есть.

Гуляя по этому чудесному острову, мы нашли семь молочных рек и две — из вина. На шестнадцатый день пути мы пришли к противоположной стороне острова и наткнулись на громадные равнины старого загнившего сыра, так высоко ценимого гастрономами. Вместо сырных клещей, как следовало бы ожидать, на этих необозримых равнинах росли превосходные плодовые деревья: персики, абрикосы и многие другие, абсолютно нам не известные.

Все эти деревья поражали своими размерами и обилием птичьих гнёзд. Одно из них — гнездо зимородка — было просто-таки громадным: никак не менее крыши Собора Святого Павла в Лондоне, — и искусно свитым из нескольких деревьев. В нём лежало по меньшей мере — я говорю это без всякого преувеличения — пятьсот яиц, причём каждое величиной с двенадцативёдерную бочку.

Огромных усилий стоило нам разбить одно яйцо, где обнаружился птенец крупнее двадцати взрослых коршунов.

В ту же минуту прилетела самка зимородка, схватила капитана и подняла вверх по меньшей мере на милю. Ударив бедолагу в воздухе несколько раз крыльями, она бросила его в море.

Все голландцы плавают как крысы — вот и капитан скоро добрался до берега. Все вместе мы отправились в гавань, к кораблю, но пошли другой дорогой. По пути, ко всеобщему удивлению, нам встретилось немало нового, интересного и невиданного. Так, мы застрелили двух диких быков с рогом на лбу между глаз, о чём потом очень пожалели. Оказывается, островитяне искусно приручают быков, и те отлично ходят и в упряжи, и под седлом. Мясо этих животных вкусно и питательно, но местные жители, как я говорил, употребляют только молоко и сыр, а мясной пищи здесь не знают совсем.

До гавани оставалось дня два пути. Мы шли по опушке леса, и в одном месте увидели на сучьях высокого дерева трёх повешенных. Как позже выяснилось, казнили их за то, что по возвращении из путешествия они страшно лгали, описывая местности, которых не видали, и приключения, которых не было.

Я нашёл, что с ними поступили справедливо: всякий путешественник должен быть безусловно правдив.

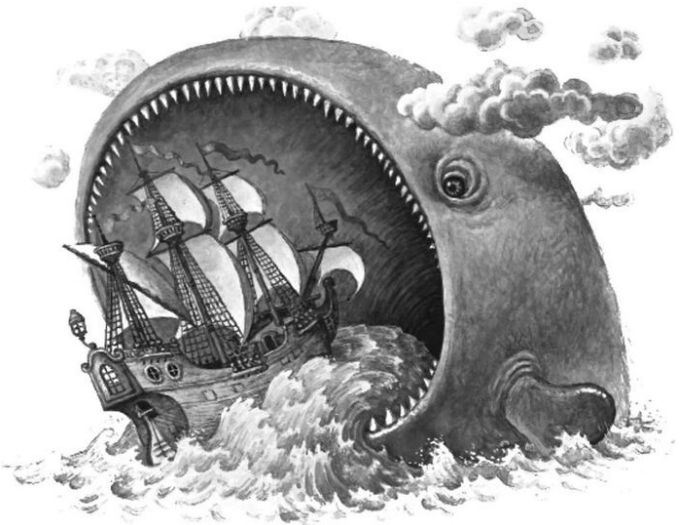
Вернувшись на корабль, мы снялись с якоря и расстались с этой чудесной страной. Когда судно выходило из гавани, огромные деревья на берегу

дважды склонились до земли.

Три дня нас носило по волнам. Компаса не было, и одно небо знало, где находится судно. Вдруг мы заметили, что вода в море стала совершенно чёрной.

Кто-то из нас решился попробовать эту чернильную воду, и о диво: оказалось, что это не вода, а чудное вино. Тут же весь экипаж принялся черпать и пить его, и понадобились немалые усилия, чтобы не дать матросам упиться вусмерть.

Увы! Благодушествовали мы недолго. Очень скоро корабль окружили киты и другие морские чудовища, причём одно оказалось столь велико, что даже в телескоп нельзя было судить о его габаритах. К несчастью, мы слишком поздно его заметили, а когда подошли ближе, чудовище раскрыло пасть, втянуло воду, и вмиг наш корабль с мачтами и распущенными парусами очутился между огромными зубами. Чудовище же продолжало глотать воду, и увлекаемые течением, мы проскользнули прямо в желудок.

Здесь корабль остановился неподвижно, как на якоре во время штиля. Было душно, и невыносимо воняло. Привыкнув к темноте, мы увидели якоря, канаты, лодки, барки и множество самых разных судов, проглоченных, как и наше.

Сколько мы пробыли внутри этой туши — неиз-

вестно: солнце, месяц и звёзды перестали для нас существовать. Каждый день повторялись приливы и отливы. Когда животное глотало воду, был прилив, а когда вода уходила из туловища, наступал отлив, и все суда садились на мель. Каждый раз, как нам казалось, животное втягивало больше воды, чем было во всём Женевском озере, которое имело, однако, в окружности тридцать миль.

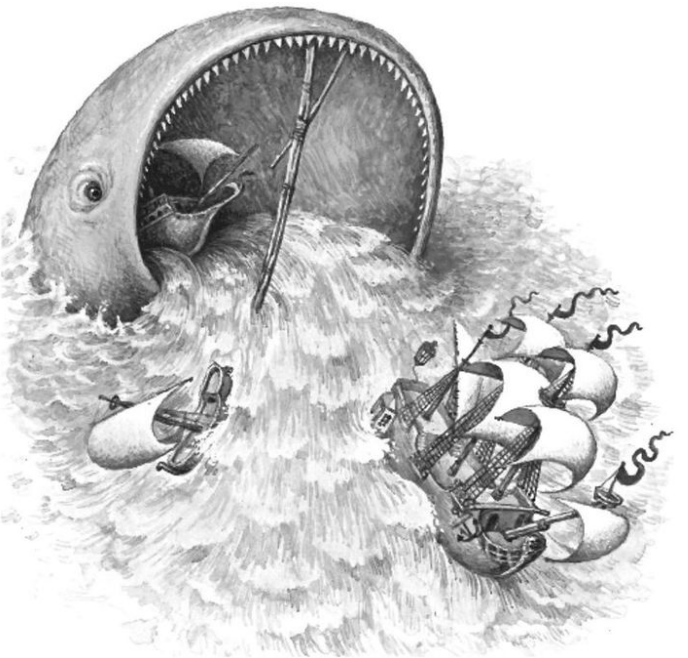
Во время одного из отливов мы с капитаном и кое с кем из офицеров отправились на рекогносцировку, прихватив с собой факелы. Побродив по этому царству вечной тьмы, мы наткнулись на огромную многонациональную толпу, которая собралась на совещание, как выбраться из заточения. Некоторые корабли находились здесь уже несколько лет.

В ту минуту, когда председатель начал свою речь, проклятое животное, как на грех, стало пить. Вода прибывала со страшной скоростью. Мы едва успели добежать до своего корабля, а некоторым пришлось добираться вплавь.

Спустя несколько часов, когда вновь наступил отлив, совещание возобновилось. На этот раз председателем выбрали меня. Я предложил взять две самые большие мачты, крепко связать их

концы и в тот момент, когда животное откроет пасть, всунуть ему в нёбо распорку, чтобы не смогло её закрыть.

Все одобрили моё предложение. Я взял себе в помощь сто самых сильных матросов и тотчас принялся за работу.

Едва мы успели связать мачты, как животное зевнуло. Мы тотчас сунули ему в пасть нашу

распорку, один конец которой упёрся в верхнее нёбо, а другой — в нижнюю челюсть, пройдя через весь язык. Распорка так удачно встала на своё место, что чудовище никоим образом не могло сомкнуть пасть, даже и в том случае, если бы мачты не были так надёжны.

Вода, свободно вливаясь в желудок, быстро поднялась. Все суда и мы на лодках наконец выплыли на белый свет. После двухнедельного пребывания в вечной темноте дневной свет невыразимо ласкал наши усталые глаза и радовал сердца.

Когда мы осмотрелись, оказалось, что вместе с нами из желудка животного выплыл целый флот из тридцати пяти кораблей всевозможных наций.

Мачты мы так и оставили в пасти чудовища, дабы предостеречь других мореходов от печальной участи попасть в это ужасное заточение, где царит вечная тьма и где несчастные узники страдают от недостатка пресной воды.

Мы очень хотели узнать где находимся, но долго не могли решить этот вопрос. Наконец, на основании прежних наблюдений, я определил, что, скорее всего, нас занесло в Каспийское море.

Это море со всех сторон окружено материком и с другими водами не сообщается, и было со-

вершенно непонятно, как мы сюда попали, пока один из жителей сырного острова, которого я взял с собой, разъяснил эту загадку. По его мнению, чудовище, в желудке которого мы пробыли столько времени, перенесло нас в Каспийское море через какой-нибудь подземный пролив.

Как бы там ни было, но и то хорошо, что мы выбрались на свободу. Теперь все наши старания были направлены на то, чтобы скорей попасть на материк.

Я первый выскочил на берег и, едва поставив ногу на твёрдую землю, наткнулся на огромного медведя.

«Ага, приятель! — подумал я. — Как кстати ты попался». Схватив медведя за обе лапы в знак приветствия, я так их сжал, что мишка отчаянно заревел. Не обращая на него внимания, я продержал его за лапы до тех пор, пока он не издох от голода. Этим я внушил к себе уважение всех других медведей, которые с того времени не решались попадаться мне на дороге.

Отсюда я отправился в Петербург, и там старинный друг подарил мне очень ценную собаку, родившуюся от той, которая, как я уже рассказывал, ощенилась во время гона на зайца.

К величайшему огорчению, она жила у меня

недолго: как-то подстрелил её на охоте один неловкий охотник. Из её шкуры я велел сшить себе жилет, и когда надевал его на охоту, меня так и тянуло туда, где дичь. Стоило приблизиться к ней на расстояние выстрела, в ту же минуту от жилета отрывалась пуговица и летела туда, где спрятался зверь или птица. Курок моего ружья был всегда взведён, стрелял я, как это знает всякий, без промаха, поэтому никакая дичь не ускользала от моего выстрела. Теперь на моём жилете осталось всего три пуговицы, но когда начнётся охота, я прикажу снова пришить два ряда.

КОНЕЦ

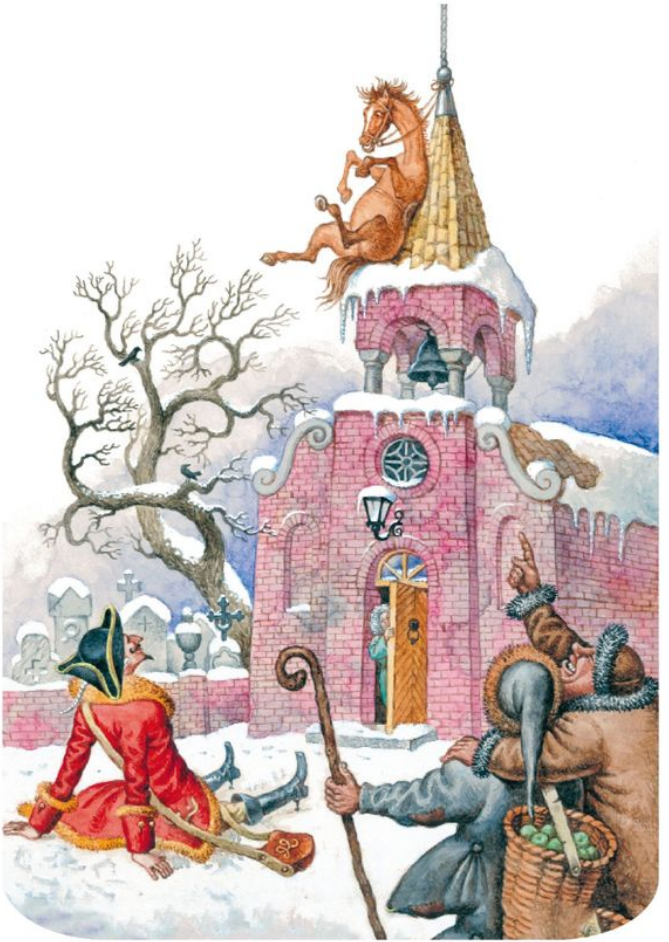
Иллюстрации

— Это я-то необузданный фантазёр, рассказчик небылиц?! Откуда вы это взяли? Действительно, моя жизнь была богата разными историями, которые я люблю рассказывать, но лгать?! Никогда!..

Я решил отправиться путешествовать по России зимой… Жаль только, что я слишком легко оделся для этой северной страны: по мере продвижения на северо-восток всё сильнее давал знать о себе холод.

Вдруг где-то высоко в воздухе раздалось ржание. Я взглянул вверх: мой конь, привязанный за повод, висел на верхушке колокольни.

Все утки оказались живыми и, едва освоились со своим новым положением, разом взмахнули крыльями и подняли меня высоко в воздух. Всякий на моём месте растерялся бы, но только не я.

Как ни страшны дикие свиньи, но иметь дело с кабаном неизмеримо опаснее. Разъярённое животное прыгнуло на меня, но промахнулось и вонзилось клыками в дерево…

Года через два мне пришлось охотиться в той же местности — смотрю, из лесу вышел красивый олень и между рогов у него вишнёвое деревце, футов десяти вышиной.

Мне очень хотелось показать дамам искусство верховой езды… я заставил коня вскочить в столовую через открытое окно… после чего уже на чайном столе проделал всю школу верховой езды, чем привёл дам в неописуемый восторг.

Конь жадно припал к воде и, сколько ни пил, никак не мог напиться… и каково было моё удивление, когда увидел, что у лошади отсутствует задняя половина туловища.

В тот момент, когда вылетело ядро, я вскочил на него верхом, рассчитывая таким образом попасть в крепость. Пока летел, раздумывал: «Положим, попаду я в крепость, но как вернуться обратно?..»

Разбуженный нашими криками и шумом, кит пришёл в страшную ярость, сбил ударами хвоста галерею борта и часть палубы, схватил зубами большой якорь, висевший на корме, и потащил корабль за собой.

И вот однажды залюбовался я чудным ясным небом и вдруг увидел над собой какой-то круглый предмет… в воду упала раззолоченная гондола с громадным воздушным шаром, который смог бы закрыть купол самой большой церкви.

Однажды Вулкан схватил меня за руку и куда-то потащил. Подняв меня, как казалось, над каким-то бездонным колодцем, зиявшим в полу, он вне себя от гнева проговорил: — Иди, неблагодарный смертный, в мир, откуда пришёл!